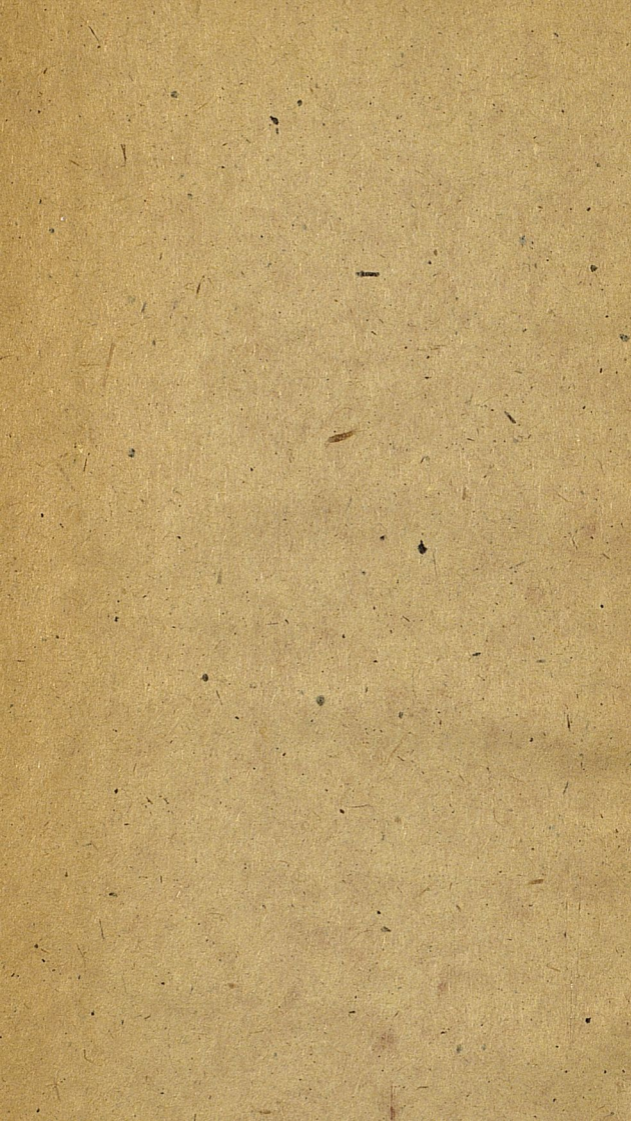

ЗАПИСКИ
ОБ
УЖЕНГЕ

S 28
183

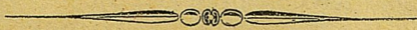

5123

ЗАПИСКИ

О Б Ъ

УЖЕНЬЪ.

МОСКВА.

—
1847.

2800y Newbury

Yungy

to Laguna

1349

rodj. supra 23.
Kend.

ЗАПИСКИ

ОБЪ

УЖЕНЬБЪ.

Дѣлу время, и потѣхѣ часъ.

Изъ книги: «Уставъ Сокольничьяго Пути,» писанной Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Охоту тѣшить — не бѣду платить.

Охота пуще неволи.

Русскія пословицы,

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва.
Февраля 5 дня 1847 года.

Ценсоръ *И. Снегиревъ.*

18579-0

Моимъ братьямъ и друзьямъ

Н. Т. и А. Т. А—мъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Я написалъ записки объ уженъѣ для освѣженія моихъ воспоминаній, для собственнаго удовольствія. Печатаю ихъ для рыбаковъ по склонности, для охотниковъ, для которыхъ слова: „удочка и уженъе“ слова магическія, сильно дѣйствующія на душу. Я считаю, что мои записки могутъ быть для нихъ пріятны и даже нѣсколько полезны: въ первомъ случаѣ потому, что всякое сочувствіе къ нашимъ склонностямъ, всякой особый взглядъ, особая сторона наслажденій, иногда уясненіе какого-то темнаго чувства, неполнѣ прежде сознанныго—могутъ и должны быть пріятны; во второмъ случаѣ потому, что всякая опытность и наблюденіе чловѣка, страстно къ чему нибудь привязаннаго,

могутъ быть полезны для людей, разделяющихъ его любовь къ тому же предмету. Уженье, какъ и другія охоты, бываетъ и простою склонностью и даже сильною страстью: здѣсь не мѣсто и бесполезно разсуждать объ этомъ. Русская пословица говоритъ глубоко и вѣрно, что *охота пуще неволи*. Но едва ли на какую нибудь человѣческую охоту такъ много и съ такимъ презрѣніемъ нападаютъ, какъ на тихое, невинное уженье. Одинъ называетъ его охотою празднолюбцевъ и лѣнтяевъ; другой забавою стариковъ и дѣтей; третій занятіемъ слабоумныхъ. Самый снисходительный изъ судей пожимаетъ плечами и съ сожалѣніемъ говоритъ: „я понимаю охоту съ ружьемъ, съ борзыми собаками—тамъ много движенія, ловкости, тамъ есть какато жизнь, что-то дѣятельное, даже воинственное. О страсти къ картамъ я ужъ и говорю; но удить рыбу, признаюсь, эту страсти я не понимаю.....“ Улыбка догов

риваетъ, что это просто—глупо. Такъ говорятъ не только люди, которые, по несчастію, родились и выросли безвыѣздно въ городѣ, подѣ вліяніемъ искусственныхъ понятій и направленій, никогда не живали въ деревнѣ, никогда не слыхивали о простыхъ склонностяхъ сельскихъ жителей и почти не имѣютъ никакого понятія объ охотахъ; нѣтъ, такъ говорятъ сами охотники—только до другихъ родовъ охоты. Последнихъ я рѣшительно не понимаю. Всѣ охоты съ ружьемъ, съ собаками, съ ястребами, соколами, съ тенетами за звѣрьми, съ неводами, съ сѣтьми и удочкой за рыбою — всѣ имѣютъ одно основаніе. Всѣ разнородные охотники должны понимать другъ друга: ибо охота, сближая ихъ съ природою, должна сближать между собою.

Чувство природы врожденно намъ, отъ грубаго дикаря до самаго образованнаго человѣка. Противуестественное воспитаніе, насильственныя понятія, ложное на-

правленіе, ложная жизнь—все это вмѣстѣ
 стремится заглушить мощный голосъ природы
 и часто заглушаетъ, или даетъ только
 кажущееся развитіе этому чувству. Конечно,
 не найдется почти ни одного человека,
 который былъ бы совершенно равнодушенъ
 къ такъ называемымъ *красотамъ природы*,
 то есть: къ прекрасному мѣсячному
 положенію, живописному далекому виду
 великолѣпному восходу или закату солнца,
 къ свѣтлой мѣсячной ночи; но это
 еще не любовь къ природѣ: это любовь
 къ ландшафту, декораціямъ, къ призрачнымъ
 преломленіямъ свѣта; это могутъ любить
 люди самые черствые, которые, въ которыхъ
 никогда не зарождалось поэтическое
 чувство: за то ихъ любовь этимъ и оканчивается.
 Приведите ихъ въ таинственную
 сѣнь и прохладу дремучаго лѣса,
 равнину необозримой степи, покрытую
 тучною, высокою травою; поставьте ихъ
 въ тихую жаркую, лѣтнюю ночь на бѣломъ

регъ рѣки, сверкающей въ тишинѣ ночнаго мрака, или на берегъ соннаго озера, обросшаго камышами, окружите ихъ благовоиємъ травъ и цвѣтовъ, прохладнымъ дыханіемъ водъ и лѣсовъ, неумолкающими голосами ночныхъ птицъ и насѣкомыхъ, всею жизнію творенія—для нихъ тутъ нѣтъ красотъ природы, они не поймутъ ничего! Ихъ любовь къ природѣ внѣшняя, наглядная, они любятъ картинки, и то не на долго; смотря на нихъ, они уже думаютъ о своихъ пошлыхъ дѣлищкахъ и спѣшатъ домой въ свой грязный омутъ, въ пыльную, душную атмосферу города, на свои балконы и террасы, подышать благовоиємъ загнившихъ прудовъ въ своихъ жалкихъ садахъ, или вечерними испареніями мостовой, раскаленной дневнымъ солнцемъ.... Но Богъ съ ними! Деревня, не подмосковная, далекая деревня,—въ ней только можно чувствовать полную, неоскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, миръ, тишина,

спокойствіе! Безыскусственность жизни, простота отношеній! Туда бѣжать отъ праздности, пустоты и недостатка интересовъ; туда же бѣжать отъ неугомонной, внѣшней дѣятельности, мелочныхъ, своекорыстныхъ хлопотъ, бесплодныхъ, бесполезныхъ, хотя и добросовѣстныхъ мыслей, заботъ и попеченій! На зеленомъ, цвѣтущемъ берегу, надъ темной глубио рѣчки или озера, въ тѣни кустовъ, подъ шатромъ исполинскаго осокоря, или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями въ свѣтломъ зеркалѣ воды, на которомъ колеблются или неподвижно лежатъ наплавки ваши — улягутся мнимыя страсти, утихнутъ мнимыя бури, разсыплются самолюбивыя мечты, разлетятся несбыточные надежды! Природа вступить въ вѣчныя права свои, вы услышите ея голосъ, заглушенный на время суетней, хлопотней, смѣхомъ, крикомъ и всею безсмыслицей человѣческой рѣчи! Вмѣстѣ съ благовоннымъ, свобод-

НЫМЪ, ОСВѢЖИТЕЛЬНЫМЪ ВОЗДУХОМЪ ВДОХ-
нете вы въ себя безмятежность мысли,
кротость чувства, снисхожденіе къ дру-
гимъ и даже къ самому себѣ. Непри-
мѣтно, мало по малу разсѣется это не-
довольство собою, эта презрительная не-
довѣрчивость къ собственнымъ силамъ,
твердости воли и чистотѣ помышленій—
эта эпидемія нашего вѣка, эта черная
немочь души, чуждая здоровой натурѣ
русскаго человѣка, но заглядывающая и
къ намъ за грѣхи наши.....

Но я увлекся въ сторону отъ своего
предмета. Я хотѣлъ сказать нѣсколько
словъ въ защиту уженья и нѣсколько
словъ въ объясненіе моихъ записокъ.
Начнемъ сначала: обвиненіе въ праздно-
сти и лѣни совершенно несправедливо.
Настоящій охотникъ необходимо долженъ
быть очень бодръ и очень дѣятеленъ:
раннее вставанье, часто до утренней зари,
перенесенье полдневнаго зноя или сырой
и холодной погоды, неутомимое вниманіе

во время самага уженья, пріискиванье удобныхъ мѣстъ, для чего иногда надо много ихъ перепробовать, много исходить, много изъѣздить на лодкѣ; все это вмѣстѣ не по вкусу лѣнивому человѣку. Если найдутся лѣнтяи, которые, не имѣя настоящей охоты къ уженью, а просто не зная куда дѣваться, чѣмъ занять себя, предпочтутъ сидѣнье на берегу съ удочкой бѣганью съ ружьемъ по болотамъ, то неужели ихъ можно назвать охотниками? Чѣмъ виновато уженье, что такіе люди къ нему прибѣгаютъ? Другое обвиненіе, будто уженье забава дѣтская и стариковская—также неосновательно: никто въ старости не дѣлался охотникомъ-рыболовомъ, если не былъ имъ смолоду. Развѣ дѣти въ одномъ уженьѣ подражаютъ забавамъ взрослыхъ? Что же касается до того, что слабый старикъ или больной, иногда не владѣющій ногами, можетъ удить, находя въ томъ нѣкоторую отраду бѣдному своему существова-

нію, то въ этомъ состоитъ одно изъ важныхъ, драгоценныхъ преимуществъ уженья передъ другими охотами. Остается защитить охотниковъ до уженья въ томъ, что будто оно составляетъ занятіе слабоумныхъ или по просту сказать дураковъ. Но, Боже мой, гдѣ же ихъ нѣтъ? За какія дѣла они не берутся? Въ какихъ умныхъ и полезныхъ предпріятіяхъ не участвуютъ? Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ остальные люди, занимающіеся съ ними одними и тѣми же дѣлами, были также глупы. Противъ нелѣпости такого обвиненія можно назвать нѣсколько славныхъ, историческихъ людей, которыхъ мудроно заподозрить въ глупости, и которые были страстными охотниками *удить рыбку*. Извѣстно, что нашъ знаменитый полководецъ Румянцевъ преданъ былъ этой охотѣ до страсти; извѣстенъ также и его отвѣтъ, съ притворнымъ смиреніемъ сказанный, на одинъ важный дипломатическій во-

прось: это дѣло не нашего ума; намѣ дѣло рыбку удить, да городки плынить. Славный Моро, поспѣшая съ береговъ Миссисипи на помощь Европѣ, возставшей противъ своего побѣдителя, не могъ проѣхать мимо уженья трески, не посвятивъ ему нѣсколькихъ часовъ, драгоценныхъ для ожидавшаго его вооруженнаго міра—такъ страстно любилъ онъ эту охоту. Людовикъ Филиппъ, человекъ, кажется, тоже не глупый, все время свободное отъ дѣлъ государственныхъ посвящаетъ удочкѣ въ своемъ прелестномъ Нельи.

Теперь объяснимся о моихъ запискахъ: на русскомъ языкѣ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не напечатано ни одной строчки объ рыболовствѣ вообще, или объ уженьѣ въ особенности. На французскомъ и англійскомъ языкахъ есть много полныхъ сочиненій по этой части и еще болѣе маленькихъ книжекъ, собственно объ уженьѣ. Въ Лондонѣ даже

существуетъ общество охотниковъ до ловли рыбы удочкой, которое систематически преслѣдуетъ эту охоту, совершенствуя ее во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣкоторыя сочиненія объ этомъ предметѣ у Французовъ написаны очень живо и увлекательно. У насъ они не переведены, а если бъ и были переведены, то могли бы доставить болѣе удовольствія при чтеніи, чѣмъ пользы въ примѣненіи къ дѣлу. Причиною тому разность въ климатахъ, въ породахъ рыбъ и въ ихъ свойствахъ. Въ этомъ случаѣ добросовѣстныя наблюденія рыболова-туземца, какъ бы ни были недостаточны, будутъ имѣть важное преимущество.

Все это вмѣстѣ рѣшило меня сдѣлать первый опытъ на русскомъ языкѣ. Охотниковъ до уженья много на Руси, особенно въ деревняхъ, и я увѣренъ, что найду въ нихъ сочувствіе. Прошу только помнить, читая мою книжку, что она не *Трактатъ объ уженьѣ*, не *Нату-*

ральная исторія рыбъ. Моя книжка, ни больше, ни меньше, какъ простыя записки страстнаго охотника: иногда поверхностныя, иногда одностороннія и всегда неполныя, относительно къ обширности обоихъ предметовъ, сейчасъ мною названныхъ.

С. А.

1847 года.

ЗАПИСКИ ОБЪ УЖЕНЬѢ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ УДОЧКИ.

Вѣроятно, изъ всѣхъ родовъ рыболовныхъ снастей, одна изъ первыхъ была изобрѣтена удочка. Какой-нибудь дикарь, бродя по берегамъ рѣки, моря, для добыванія себѣ скудной пищи, или безопасно отдыхая подъ тѣнію крутаго берега и растущихъ на немъ деревьевъ, примѣтилъ стада рыбъ, плавающихъ около береговъ; видѣлъ, какъ голодныя рыбы жадно хватаютъ падающихъ на поверхность водъ разныхъ насѣкомыхъ и древесныя листья, и, можетъ быть, самъ бросалъ ихъ въ воду, сначала забавляясь только быстрыми движеніями рыбъ. Весьма естественно должна была родиться у него мысль, что если бы въ насѣкомыя спрятать что нибудь похожее на крючокъ (изъ кости, или крѣпкаго дерева) и привязать его на нитку, разумѣется видѣланную

изъ звѣриныхъ жилъ, или волокъ растений, и что если рыба схватитъ и проглотитъ такую насадку, то крючокъ зацѣпитъ и рыбу можно будетъ вытащить на берегъ. Такъ, вѣроятно, родилась удочка; почти такова она и теперь въ деревняхъ, у крестьянскихъ мальчишекъ: загнутый крючкомъ гвоздь безъ шляпки, крючекъ изъ проволоки или булавки, привязанный на нитку, съ камушкомъ, вмѣсто грузила, и палочка сухаго дерева, или тростника, вмѣсто наплавка..... въдь это почти удочка дикаря. Впрочемъ даже и у насъ, въ настоящемъ своемъ развитіи, у самыхъ взыскательныхъ охотниковъ, удочка строго сохранила всѣ первоначальныя, основныя свои качества.

Слово удочка названье общее. Она состоитъ изъ слѣдующихъ частей: удилица, леса, поплавка или наплавка, грузила, поводка и крючка. Все это разсмотримъ мы внимательно порознь и по порядку.

УДИЛИЩЕ.

Едва ли нужно говорить, что этимъ именемъ называется палка, къ которой привязывается леса. Удилища бываютъ искусственныя и

натуральныя: я рѣшительно предпочитаю послѣднія. Искусственное, складное удилице дѣлается изъ морскаго тростника (камыша) разной толщины, даже просто изъ дерева, такъ что одно колѣнцо можетъ вкладываться въ другое; цѣлое удилице состоитъ изъ трехъ, или четырехъ такихъ колѣнцевъ; всѣ они привинчиваются одно къ другому, или просто втыкаются одно въ другое; верхнее колѣнцо дѣлается изъ китоваго уса, или тонкой камышенки съ маленькимъ проволочнымъ колечкомъ на верхнемъ концѣ для привязки лесы. Такія удочки, хорошо отдѣланныя, съ набалдашникомъ и наконечникомъ, имѣютъ наружность толстой красивой палки; кто не видывалъ ихъ, тотъ и не узнаеть, что это цѣлая удочка; но во 1-хъ, оно стѣбитъ очень не дешево; во 2-хъ, для большой рыбы оно неудобно и неблагонадежно: ибо гнется только верхушка, т. е. первое колѣнцо, состоящее изъ китоваго уса или камышенки, а для вытаскиванія крупной рыбы необходимо, чтобъ гибъ постепенно проходила сквозь все удилице; въ 3-хъ, его надобно держать всегда въ рукахъ, а если станешь класть на воду, что иногда неизбежно, то оно намокнетъ, разбух-

нетъ и даже со временемъ треснетъ; къ тому же, размокшія колѣнца, покуда не высохнутъ, не будутъ свободно вкладываться одно въ другое; въ 4-хъ, все это надобно дѣлать вѣсело, торопливо и аккуратно, качества, противнаго положныя натурѣ русскаго человѣка: всякій разъ вынимать, вкладывать, свинчивать, развинчивать, привязывать и отвязывать леску, которую опять надобно на что-нибудь намотать и куда-нибудь спрятать..... Не правда ли, что это утомительно и скучно? Точно такія удилыща поддѣлываютъ у насъ изъ простаго дерева; нѣтъ сомнѣнія, что послѣднія никуда не годятся. Во многихъ мѣстахъ употребляю удилыща составныя: къ обыкновенному березовому, или орѣховому удилыщу прикрѣпляютъ верхушку изъ китоваго уса, или того же каго можжевеловаго прута, но и здѣсь почти тѣже неудобства: гибъ будетъ также неровнымъ и верхушка станетъ сгибаться только до того мѣста, гдѣ она привязана. Всего простѣе и лучше дѣлать натуральныя орѣховыя, и березовыя удилыща: послѣднія прочнѣе, вездѣ скорѣе можно ихъ сыскать; говорятъ, что и вязовыя также хороши, но мнѣ не случилось ихъ употреблять. Весною, поку

листь еще не распустился, а сокъ дерева уже бросился изъ корня ввертъ и надулись почки на вѣтвяхъ, всего благонадежнѣе срѣзывать удилица; надобно выбирать стволы тонкіе, длинныя и прямыя; тщательно обрѣзывать всѣ сучечки, оставя главный стволъ неприкосновеннымъ во всю его длину, до самой послѣдней почки, при чемъ должно наблюдать, чтобъ удилице не было тонко въ комлѣ; нижнюю половину, идущую къ рукъ, надобно оскоблить; нѣсколько, такимъ образомъ приготовленныхъ удилицъ должно плотно привязать къ прямому шесту, или доскѣ, и въ такомъ принужденномъ положеніи завялить, т. е. высушить на воздухѣ подъ крышей, гдѣ бы не брали ихъ ни дождь, ни солнце. Такое удилице, если не сломается отъ неосторожности, можетъ служить два и три года.

Выборъ и приготовленіе хорошаго удилица весьма важны. Прямизна и гибкость верхняго его конца необходимы для успѣшной подсѣчки; слѣдовательно, отъ хорошаго удилица зависитъ иногда количество выуженной рыбы, но верхъ его достоинства узнается только тогда, когда на тонкую лѣсу возьметъ круп-

ная рыба. Тутъ-то можно полюбоваться, какъ на хорошемъ удилицѣ, согнувшемся до ловины въ дугу, будетъ ходить на круги огромная рыба до тѣхъ поръ, пока искусная рука рыбака утомить ее и подведетъ къ берегу, гдѣ можно взять добычу другою, свободною рукой, или, что всего благонадежнѣе, подхватить сачкомъ. Всякому извѣстно, какое такое сачокъ. Но вотъ какія качества должны имѣть онъ: 1) сачокъ долженъ быть легкимъ; 2) ободокъ, къ которому прикрѣпляется сачокъ, лучше употреблять желѣзный; 3) сачокъ изъ сѣтки — тонкой и не частой; 4) сачокъ этотъ долженъ быть не мелокъ: четверти въ три глубиною, для того, чтобы рыба не могла выпрыгнуть и чтобъ да можно было ее завернуть въ немъ.

ЛЕСА.

Лесою называется нитка, однимъ концомъ привязанная къ удилицу, а другимъ къ крючку. По большей части, она свивается изъ волосъ конскаго хвоста; но есть лесы шелковыя, нитяныя и приготовленныя изъ какого-то индѣйскаго растенія, толщиною

видомъ совершенно похожаго на конскій волосъ. Всѣ эти роды лесъ имѣютъ свои выгоды и невыгоды. Я предпочитаю первыя и по прочности и по удобству доставанія свѣжихъ конскихъ волосъ, изъ которыхъ не трудно найти искусника свить, или ссучить лесу какой угодно толщины, а всего лучше сплестъ: плетеная леса прочнѣе, никогда не скручивается и не спутывается. Всего лучше умѣть это дѣлать самому. Лесы шелковыя и нитяныя въ Россіи не приготовляются на продажу; онѣ получаютъ изъ Англіи и Австріи; съ крючкомъ, наплавкомъ и грузиломъ онѣ продаются въ магазинахъ не менѣе 2 р. 50 к. асс. — цѣна слишкомъ высокая. Можно приготовить ихъ дома: всякая женщина умѣетъ ссучить на рукахъ, или на маленькихъ колесахъ, на которыхъ спускаютъ тонкія бичевки, нѣсколько шелковинокъ, или нитокъ (всего лучше конопляныхъ) какой угодно толщины и длины. Выгода такихъ лесъ состоитъ въ томъ, что онѣ, не имѣя упругости, извиваются по движенію воды, разнообразяютъ и представляютъ натуральнымъ, какъ будто шевелящимся видъ насаженнаго червяка, или чегонибудь другаго; когда же насадка и ко-

нець шелковой зеленой леси лежать на то она совершенно походить на вод длиннаго водянаго моха, называемаго нымъ шелкомъ. Должно признаться, что беретъ на нихъ охотно; но за то онъ вольно скоро перегниваютъ и нестерпим таются, что отнимаетъ много времени и но надоѣдаетъ; обоимъ этимъ порокамъ но нѣсколько помочь, проваривъ леси в стопленномъ воскѣ, но отъ того онъ от потеряютъ свою, такъ сказать, зыбле составляющую приманку для рыбы. Ч касается до леси изъ индѣйскаго рас тонкой какъ конскій волосъ, то вся е года состоятъ въ прозрачности и лег если насадка также легка (напр. мухи, нечики и пр.), то она стоить на всѣхъ бинахъ воды и долго плаваетъ на по ности, не погружаясь; но зыблемости ковыхъ и нитяныхъ лесь она не имѣе болѣе пригодна для уженья мелкой безъ наплавка, особенно въ водахъ про ныхъ, около полудня, когда рыба гу на поверхности воды. Такой волосъ индѣйскаго растенія) сначала очень кр и съ помощью хорошаго удилица и ост

ности, можно на него выудить рыбу въ четъре и даже въ пять фунтовъ; но скоро онъ мшарится, то есть дѣлается шероховатымъ, мѣстами тонѣетъ; высыхая на солнцѣ, въ сгибахъ трескается въ длину, и для уженья хорошей рыбы дѣлается неблагонадежнымъ, даже опаснымъ. Говорятъ, что все это можно отвратить, вытирая его до суха всякій разъ послѣ уженья и, вымазывая масломъ; но я, вѣрный моей Русской природѣ, никогда этого не пробовалъ, и много разъ терялъ рыбу и удочку: я скажу съ этомъ подробнѣе въ статьѣ о поводкахъ. И такъ обратимся къ лесамъ изъ конскихъ волосъ. Получаемыя изъ за границы очень хороши, но за то и очень дороги, и не довольно разнообразны въ своей толщинѣ. Покупаемыя въ Русскихъ лавкахъ обыкновенно ссучены неровно и часто изъ старыхъ, уже не такъ прочныхъ волосъ, что впрочемъ можно узнать по желтоватому цвѣту. И такъ всего лучше готовить ихъ дома.

Надобно выдернуть волосы изъ хвоста бѣлой * лошади; выбрать самые длинные, ров-

* Приготавливаютъ лесы и изъ черныхъ волосъ, но очевидно, что прозрачность бѣлыхъ волосъ, сливаясь съ водою, дѣлаетъ лесу неприимѣтною для рыбы—слѣдовательно лучшею.

ные, бѣлые и прозрачные, и сучить, или изъ нихъ лесы какой вамъ угодно толщи отъ двухъ, четырехъ, шести и до двадцати волосъ. Можно вить и сучить лесы цѣлыми или съ кольцами. Цѣлыя, безъ сомнѣннѣе лучше, но для приготовленія ихъ нагораздо болѣе умѣнья. Лесы съ кольцами дѣлаются очень просто. Берутся, напримеръ шесть конскихъ волосъ, одинакой длины равниваются въ толщину *, завязываются концѣ обыкновеннымъ узломъ, раздѣляются по ровну и сучатся, или выются (какъ лучше умѣеть) до другаго конца волосъ, опять завязывается обыкновенный узелъ; называется кольцомъ. Кольца связываются между собою уже двойнымъ рыбацкимъ узломъ, затагиваются какъ можно крѣпче, коротенькие кончики подстригаются довольно плотно. Вотъ вамъ готова леса, какой угодно длины. Объяснить на словахъ свиванье цѣльной лесы довольно трудно; но, разъ увидѣвши, это дѣлается, перенять легко. Тутъ волосы употребляются разной длины и всучиваются или ввиваются одинъ за другимъ; какъ

* То есть: одна половина волосъ кладется концами вънизъ, а другая вверхъ.

приходить къ концу одинъ волосъ, то другой впускается на его мѣсто, а кончики обоихъ обстригаются такъ плотно, что послѣ даже непримѣтно, гдѣ волосы оканчивались и гдѣ вставлялись. Сдѣланныя такимъ образомъ лесы, по окончаніи каждаго уженья и въ продолженіе зимы, сохраняемыя въ сухомъ мѣстѣ, если не будутъ изорваны насильственно, могутъ служить года три и болѣе, хотя бы весною, лѣтомъ и осенью удили на нихъ каждый день. Не нужно распространяться, какъ важна для охотника крѣпость лесы, которая преимущественно зависитъ отъ ея ровности. Лесы, плетенныя изъ волосъ, какъ обыкновенно заплетаются двѣичьи косы, особенно хороши. Онѣ гораздо прочнѣе сученыхъ и витыхъ лесъ, и никогда не путаются.

НАПЛАВОКЪ.

Наплавкомъ называется небольшая круглая и овальная палочка, длиною въ палецъ, изъ легкаго дерева, или древесной коры, или пробки, привязываемая къ лесѣ, въ какомъ угодно разстояніи отъ крючка. Наплавокъ имѣеть два назначенія: первое, чтобы крѣ-

чокъ съ насадкой плавалъ въ такомъ
стояннн отъ дна, какое нужно рыбаку,
лежалъ на днѣ, смотря по надобности
второе, еще важнѣйшее, чтобы онъ пока
валъ своимъ движеніемъ всякое прикоснов
рыбы къ насаженному крючку, и након
время, когда надобно подсѣчь (то есть, д
нуть удилищемъ лесу), и вытащить на бер
свою добычу. Наплавки приготовляются р
личнымъ образомъ: 1) Они вырѣзываются
или вытачиваются изъ коры осокори, кото
имѣетъ прекрасный темнокрасный цвѣтъ, оч
легка и не намыкаетъ въ водѣ. По моему
самые лучшіе наплавки. 2) Можно ихъ
дать изъ всякаго сухаго дерева: на од
обостренный конецъ маленькой палочки п
но надѣвается нижняя половина гусинаго п
а въ другой, обостренный же, втыкается
ленькая, изъ проволоки сдѣланная петелка
продѣванія лесы; другой конецъ, которой
есть: лесы) продѣвается сквозь колечко, вы
занное изъ пера и надѣваемое на перяной кон
наплавка (колечко должно быть нѣсколь
шире пера). 3) Въмѣсто дерева можно употр
лять пробку: пропускаютъ сквозь нее тонк
кую, деревянную палочку и потомъ обдѣ

ваютъ точно также, какъ наплавки, сейчасъ описанные мною. Есть еще наплавки, получаемые изъ-за границы, сдѣланные изъ одного гусиного пера и устроенные точно также, какъ описанные мною наплавки подъ разрядомъ 2-мъ, но они пригодны только для удочки наплавной, безъ грузила, ибо слишкомъ легки: притомъ толстый конецъ пера, въ которомъ утверждается петелка, обыкновенно заклеивается сургучемъ или особенною смолою; если вода, какъ нибудь, туда проникнетъ, то наполнить пустоту пера и наплавокъ будетъ тонуть. Хотя осокоревые наплавки менѣе удобны для передвиганья, ибо каждый разъ надобно распустить двойную петлю леси, которою затянуть наплавокъ, зато они менѣе сложны и рѣже портятся, а проволочныя петелки часто выдергиваются и перьяныя колечки еще чаще трескаются. Колечки надобно имѣть запасныя, но надѣвать ихъ хлопотно: должно отвязывать лѣсу. Величина наплавка должна быть соразмѣрна съ толщиною леси, тяжестью грузила и величиною крючка. Вообще наплавокъ долженъ быть такъ легокъ относительно къ общему устройству удочки, чтобы рыба, трогая и за-

бирая въ ротъ насадку крючка, не препятствовала никакого препятствія.

ГРУЗИЛО

Грузиломъ называется кусочикъ метали почти всегда свинца (ибо онъ тяжелъ и гокъ), прикрѣпляемый къ лесъ, въ недалекомъ разстояніи отъ крючка, для его погруженія въ воду. Грузила бываютъ разной тяжести, различныя по величинѣ всей удочки, и текучей и стоячей водѣ. Для самой маленькой удочки достаточно одной небольшой дробинки; для средней — одной, двухъ или трехъ крупныхъ дробинокъ; для самой огромной употребляютъ небольшую пулю. Грузило прикрѣпляется очень просто: возьмутъ дробину, или пулю, разрѣжутъ ее до половины ножомъ, вложатъ въ это отверстие лесу, и потомъ краешки сколотятъ. Всегда надобно прикрѣплять грузило къ лесу, а не къ шелковому поводку, потому что свинецъ скорѣе передаетъ шелкъ, чѣмъ шелкъ передаетъ свинецъ. За неимѣніемъ дроби и пули можно сдѣлать грузило изъ всякаго куска свинца, наблюдая только, чтобъ фигура была овальная: угловатое грузило скорѣе

денеть за траву, или шероховатое дно. После свинца, всего лучше олово, а за неимением того и другаго, можно употребить и мѣдь и желѣзо.

КРЮЧОКЪ.

Безъ сомнѣнія, это важнѣйшая часть удочки: весь успѣхъ ужения зависитъ отъ доброты крючка. Лучшіе крючки Англійскіе. Величина ихъ различна и раздѣляется на 12 нумеровъ. При выборѣ ихъ надобно наблюдать слѣдующее: 1) Крючокъ долженъ быть хорошо закаленъ: недокаленный будетъ разгибаться, а перекаленный — ломаться; синій цвѣтъ, признакъ доброй закалки, легко поддѣлать, и потому всего лучше каждый крючокъ попробовать разогнуть рукою. 2) Сгибъ крючка долженъ быть кругловатъ, не глубокъ и не мелокъ, широкъ, къ острому концу немного на бокъ. 3) Жало должно быть остро, длинно, смотрѣть въ сторону. Выгода первыхъ двухъ качествъ не требуетъ поясненія, но выгоду послѣдняго — для чего конецъ крючка долженъ быть погнуть немного въ бокъ — можно узнать только изъ опыта. Если

вы будете удить на двѣ одинаковыя по величинѣ и устройству удочки, изъ которыхъ одной жало крючка смотритъ на сторону у другой прямо по спинкѣ крючка, тогда вы увидите, что на вторую удочку будетъ больше промаховъ, чѣмъ на первую. Безъ сомнѣнія, причина состоитъ въ томъ, что, подсѣчкѣ, крючокъ съ жаломъ прямымъ удочке выдергивается изъ рта рыбы, не задвигая за которую нибудъ его сторону. 4) Завертывающагося крючка должна хорошо, но не круто, отгибаться и крѣпко держаться въ разсѣвѣ, ибо она недопускаетъ крючокъ выскользнуть назадъ изъ рта подсѣченной рыбы. Крючки не рѣдко ломаются въ разсѣвѣ. 5) Крючокъ не долженъ быть толстъ. Толстый крючокъ неудобенъ, потому что малая насадка (небольшой червь, кобылка, маленькая рыбка и пр.) теряетъ свой естественный видъ и сей-часъ умираетъ, и особенно потому, что крючокъ тонкой скорѣе проникаетъ въ губу. Еще труднѣе толстому крючку проникнуть въ верхнюю часть рыбьяго рта, которая бываетъ очень жестка. 6) Спинка его не должна быть длинна: это также мѣшаетъ вѣрности насадки, которая обыкновенно сбивается.

ся къ низу, и верхняя часть спинки остается ни чѣмъ не закрытою. Сверхъ того, что это рыбу пугаетъ, если она и возьметъ насадку въ ротъ, что почти всегда дѣлаетъ на ходу (кромѣ ужения со дна), то сей-часъ почувствуетъ твердую, незакрытую спинку крючка и проворно выплюнетъ (выкинетъ назадъ) насадку и надежду рыбака. Въ этомъ всякой наблюдательный охотникъ можетъ убѣдиться собственными глазами, когда будетъ удить въ свѣтлыхъ водахъ. 7) Спинка крючка оканчивается лопаточкой, плечики которой должны быть широки и не остры, для того, чтобы завязка поводка или волосяной лесы не обрѣзывалась и держалась крѣпко: это послѣднее условіе очень важно. Завязка подрѣжется внутри, непримѣтно для глаза, хотя бы заботливый рыбакъ всякій день осматривалъ свои удочки; дѣло идетъ хорошо, покуда беретъ небольшая рыба, но чуть взяла крупная, прощай и крючокъ и рыба!... Леса взвивается вверхъ, какъ будто просто сорвалась рыба, огорченный охотникъ послѣшно достаетъ свѣжаго червя, хочетъ насадить, и вмѣсто крючка видитъ, какъ будто, перерѣзанный конецъ поводка или лесы, которымъ была

она привязана.... Тутъ послѣдуютъ заключенія: »рыба была такъ велика, что поводокъ не выдержалъ, откусила щука«, и пр., а все вздоръ!

ПОВОДОКЪ.

Поводкомъ называется особый, небольшой привязокъ къ лесу, къ которому уже прикрѣпляется крючокъ. Поводки бываютъ: 1) тонкой проволоки, мѣдной, или желѣзной; 2) басовыхъ и простыхъ толстыхъ струнъ; 3) сшивки гусиного пера во всю его длину, очищенную отъ мякоти, и 4) изъ шелка. Первые три рода поводковъ употребляются для ужасныхъ щукъ, ибо по множеству и остротѣ зубовъ перегрызаетъ, иногда въ одну секунду, въ лесы: волосяныя, нитяныя и шелковыя, а послѣдній родъ поводковъ шелковыхъ никто не употребляетъ. Это собственно думано у насъ въ домѣ однимъ старымъ бакомъ. Двадцатилѣтняя опытность моя и нѣсколькихъ охотниковъ, перенявшихъ эту думку, удостовѣрили меня въ ея несомнѣнной пользѣ. На удочку съ шелковымъ поводкомъ всякая рыба беретъ (по охотничьи: »клюетъ«) гораздо охотнѣе. Все, что было мною го

но о выгодахъ шелковой леси, состоящихъ въ ея зыблемости, шелковый поводокъ почти имѣетъ въ себѣ, для чего онъ долженъ быть не короче шести вершковъ; а волосяная леса не путается и не гнѣетъ, такъ какъ шелковая: разумѣется, всякой годъ надобно раза два перемѣнять поводки; но это не трудно. Еще выгода: шелковымъ поводкомъ гораздо крѣпче привязывается крючокъ, чѣмъ волосяною лесою; причина очевидная: упругость волосъ. Толщина поводка зависитъ отъ толщины леси. На самую толстую лесу я обыкновенно навязываю поводокъ, ссученый изъ шести, на среднюю изъ четырехъ, а на маленькую изъ двухъ обыкновенныхъ шелковинокъ Англійскаго шелка. Здѣсь разумѣется маленькая удочка, или *плотичная*, волоса въ четыре: для удочки наплавной поводокъ изъ двухъ шелковинокъ будетъ тяжель.

Есть еще поводки, получаемые изъ-за границы, изъ Индійскаго растенія; они имѣютъ всѣ достоинства и пороки цѣлыхъ таковыхъ лесъ. Рыба беретъ на нихъ очень хорошо, но предупреждаю охотниковъ, чтобъ они не привязывали своихъ лесъ къ выписнымъ, волосянымъ поводкамъ за *петелку*, которая всегда

у нихъ дѣлается, а связывали бы поводъ съ лесомъ обыкновеннымъ рыбачьимъ узломъ. Индійскій волосъ на сгибъ легко рвется. Мы испытали это, къ несчастію, много разъ. На одинъ конскій волосъ употребляется бѣлая поводка.

УСТРОЙСТВО УДОЧКИ.

Какъ скоро всѣ части удочки у васъ будутъ изготовлены, то вамъ остается только устроить цѣлую удочку. Удочки бываютъ различнаго величина, смотря по своему назначенію: *мелкія*, для мелкой рыбы, гольцовъ, пискарей, ершей, уклекъ (въ Оренбургской губерніи ихъ называютъ сентявками и бѣлоглазками), ельцовъ, мелкихъ окуней и плотвы; *среднія* болѣе другихъ употребительныя, для крупныхъ окуней, язей, головлей, лещей, линей и карасей; *большія* удочки назначаются для самой крупной рыбы: для породъ, сейчасъ многоименованныхъ, достигающихъ иногда огромной величины, и особенно для породъ хищныхъ, для щукъ, жериковъ, сазановъ, судаковъ, карпій и лоховъ, или красуль. Разумѣется, это раздѣленіе произвольно, и, если удочка употребляется въ водахъ, гдѣ водятся всѣ породы рыбъ,

легко можетъ взять огромная рыба на среднюю и даже на маленькую удочку; она любитъ иногда попроказить, и, не трогая большія, самыя лакомыя насадки, хватаетъ за пшеничное зернушко, кусочикъ хлѣба съ булавочную головку, или муху..... и страшно и весело бываетъ тогда рыбаку!..... Горько, когда рыба сорвется, или оторветъ лесу; за то какое счастье, если на маленькую удочку вытащить онъ большаго язя, или головля. Вѣрно одно, что на большую удочку не возьметъ уже мелкая рыбка по величинѣ насадки. Итакъ: вы берете крючокъ, привязываете къ нему поводокъ; поводокъ привязываете къ лесѣ и сейчасъ прикрѣпляете къ ней грузило; если у васъ наплавокъ съ петелкой и перомъ, то надѣваете его съ другаго конца лесы, и отмѣривши ее столько, чтобъ она была четверти двѣ, или даже три длиннѣе удилица, привязываете ее двойною петлею къ тонкому его концу, къ самой верхушкѣ; а какъ леса должна быть всегда гораздо длиннѣе удилица, то остальную ея часть надобно плотно обвить около него, спускаясь сверху внизъ, и гдѣ леса кончится, тамъ привязать ее къ удилицу гладенько восченой ниткой.

Теперь устроена у васъ удочка обыкновенная, всего болѣе употребляемая; но есть еще два рода удочекъ: *подонная* и *наплавная* или *накидная*. Первая удочка бываетъ длиною до 8 аршинъ и болѣе; грузило ея состоитъ изъ пули и прикрѣпляется отъ $\frac{3}{4}$ 1 аршина разстояніемъ отъ крючка, котораго обыкновенно берется изъ самыхъ крупныхъ номеровъ, то есть: перваго, втораго, третьяго. Такая удочка, всегда большаго размѣра, употребляется на большихъ и быстрыхъ рѣкахъ безъ наплавка, леса привязывается къ маленькому и самому гибкому удилицу; а какъ ее не лѣзя закинуть обыкновеннымъ образомъ, то леса забирается кругами въ руку до самаго грузила, и такимъ способомъ крючокъ съ насадкой закидывается на большое разстояніе. Тутъ уже удилице всегда держится въ рукѣ и служитъ для указанія, что рыба взяла, для подсѣчки, и для того, чтобы увидить и утомить рыбу, по большей части самую крупную: она подтаскивается уже просто за лесу и вынимается рукою, или сакомъ. По большей части такое ужение производится по ночамъ и съ лодки. Я самъ видѣлъ, какъ рыбакъ удилъ такимъ образомомъ.

на Москвѣ рѣкѣ (въ 1826 году) огромнѣйшихъ головлей, фунтовъ по 9; онъ увѣрялъ меня, что иногда головли попадаются въ 14 фунтовъ.

Наплавная, или накидная удочка устроена изъ леси въ одинъ конскій волосъ, безъ грузила, наплавка и поводка. На длинную лесу навязывается самый маленькій крючокъ (№ 10, 11, 12), а она привязывается къ тонкому, легкому и гибкому удилицу. Насадка состоитъ изъ мухъ и самыхъ маленькихъ, красненькихъ червячковъ, называемыхъ *мотылями*: послѣднихъ я нигдѣ, кромѣ окрестностей Москвы, не видывалъ. Она не тонетъ, и рыба хватаетъ насадку на поверхности воды. Предпочтительно берутъ: ельцы, головлики и уклейка. Разумѣется, удилице надобно держать въ рукъ. Я не охотникъ ни до подонной, ни до накидной удочки. Особенно трудно закидывать послѣднюю. Обыкновенно удятъ на нее съ моста, или войдя въ воду по кольни и глубже; въ такомъ только положеніи удобно ее закидывать по вѣтру: ужение безпокойное и требующее большаго навыка. Чувство осязанія въ рукъ должно быть такъ развито, чтобы вѣрно указывало

время подсѣчки: со всѣмъ тѣмъ на каждую рыбу придется по нѣскольку промаховъ. Подонная и наплавная — альфа и омега всѣхъ удочекъ. Кстати здѣсь сказать, что вообще ужение безъ наплавка мнѣ не нравится, не только потому, что оно безпокойно; ибо надобно постоянно держать удилице въ рукѣ; но главное потому, что оно, безъ наплавка, много лишается своей прелести. Внимательное наблюденіе за движеніями наплавка, за различіемъ и значеніемъ этихъ движеній, ожиданіе, что сейчасъ потянетъ, или утащитъ наплавокъ, все это вмѣстѣ составляетъ наслажденіе для охотника. Притомъ, есть такого рода клѣвъ, гдѣ только глазами можно различить, когда надобно подсѣчь; а если судить по силѣ дерганья (безъ наплавка же иначе судить нельзя), то будешь безпрестанно ошибаться: станешь подсѣкать не во время, и пропускать настоящее мгновеніе для подсѣчки, ту небольшую *потяжку*, которую никогда нельзя различить рукой. И такъ удочки у насъ готовы всѣхъ сортовъ: надобно уметь ихъ насадить.

НАСАДКА.

Насадкою называется все то, что для при-

манки рыбы, насаживается на острый конец крючка, который, если насадка велика, прячется въ ней весь. Изчисляя многообразные виды и роды насадокъ, я скажу объ умньи насаживать, ибо оно также разнообразно. Можно сдѣлать одно общее правило: жало крючка должно быть такъ скрыто въ насадкѣ, чтобъ его не было видно глазами и слышно осязаніемъ; чтобъ оно не укололо рта рыбы при самомъ первомъ ея прикосновеніи; но чтобъ въ то же время выходъ жала былъ свободенъ, и чтобъ при подсъчкѣ, или собственномъ движеніи рыбы (которая, взявши въ ротъ насадку, иногда вдругъ бросается въ сторону), жало мгновенно высовывалось и впивалось во внутреннія части рта рыбы.

1) Самая обыкновенная, вездѣ, въ навозѣ находящаяся, весной, лѣтомъ, осенью, употребляемая всѣми насадка — есть красный *навозный червь*, называемый въ низовыхъ губерніяхъ *глистою*. Только въ серединѣ лѣта рыба беретъ на него не такъ охотно. На него клюютъ всѣ породы рыбъ, кромѣ жериха и щуки, но и тѣ иногда изволятъ имъ лакомиться, особенно щука. Краснаго червяка

надобно насаживать, впуская жало въ его голову; весь крючокъ долженъ быть въ немъ скрытъ; всего лучше, чтобы головка держалась на привязкѣ лесы, или на плечикахъ крючка, середина скрывала въ себѣ крючокъ и жало, а хвостъ изгибался на свободѣ. Такимъ образомъ червякъ, нигдѣ по бокамъ не прорванный, будетъ довольно долго живъ и сохранитъ свой натуральный видъ: и то другое очень важно для приманки рыбы. Разумѣется, чѣмъ меньше удочка, тѣмъ меньше насаживается червякъ. Для большой рыбы и одинъ и тотъ же крючокъ насаживаютъ и нѣсколько червей, даже по десятку и больше прокалывая ихъ поперегъ и спрятавъ жало въ одномъ изъ червей: это называется удить на кучу глисть.

2) *Земляной червь*, фигурой совершенно сходный съ червякомъ навознымъ; онъ длиною бываетъ вершка въ три и даже четыре, а толщиною почти въ мизинецъ; цвѣта бѣловатаго, а самые крупные—коричневаго; насаживается точно также, какъ и навозный червь, но удочки надобно употреблять самого большаго размѣра. Язи, головли, лини и особенно окуни берутъ на него очень хоро

шо; онъ имѣеть и ту выгоду, что мелкая рыба его не трогаетъ.

3) Въ Москвѣ-рѣкѣ, въ рѣчкахъ, въ нее впадающихъ и въ заливаемыхъ ею озерахъ водится маленькій красненькій червячекъ, называемый *мотыль*, — вѣроятно отъ того, что состоя весь изъ крошечныхъ суставовъ, онъ мотается во всѣ стороны. Насаживать его очень хлопотно, ибо, какъ скоро вы его проколите, то изъ него вытечетъ красная влага и останется одна прозрачная кожица. Не смотря на то, туземные рыбаки умудряются насаживать мотылей на маленькія удочки: прокалывая двухъ, или трехъ поперекъ, въ четвертомъ искусно прячуть жало. Всякая мелкая рыба клюетъ на нихъ очень охотно, именно лѣтомъ, когда плохо беретъ на червяка навознаго.

4) Есть еще довольно большой, толщиною въ палець, длиною въ вершокъ, съ красною, жесткою головою, *бѣлый червь*, въ Симбирской губерніи называемый *сальникомъ*, а около Москвы, Богъ знаетъ почему, *угремъ*. Онъ насаживается точно также, какъ и обыкновенный червь, съ тою разницею, что находящуюся въ нижней его части черную дрянь,

надобно слегка выдавить и червяка сполоснуть, а не то онъ въ водѣ скоро весь почернѣетъ. На него охотно берутъ крупныя лизи, окуни и особенно головы. Мелкихъ жаб, сальниковъ, называемыхъ у насъ *молошниками*, насаживаютъ не выдавливая.

Всѣ породы червей надобно сберегать въ ящичкахъ, которые бы плотно задвигались и были наполнены навозною землею, всегда влажною: излишняя мокрота и сухость равнымъ вредны; всего лучше такіе ящички, по слѣдствію уженья, ставить на погребѣ, или въ другое сырое и прохладное мѣсто.

5) *Раки* составляютъ во всякое время отличную насадку и приманку для рыбы въ тихихъ водахъ, гдѣ они водятся; въ водахъ же быстрыхъ ихъ нѣтъ, рыба на нихъ не беретъ, но въроятно можно пріучить. Обыкновенно употребляютъ вычищенные, сырые раковыя шейки, но можно употреблять и внутреннія стороны рака и его клещенки; жаль только, что эту превосходную насадку немилосердно употребляютъ плотва, и гдѣ ее очень много, тамъ она выведетъ изъ терпѣнія всякаго терпѣливаго рыбака. Самый же лакомый кусокъ, на который съ жадностью бросается всякая крупная

рыба, есть *ракъ линючій*. Всѣмъ извѣстно, что раки линяютъ, то есть: перемѣняютъ свою скорлупу, льтомъ въ Іюнѣ и въ Іюль мѣсяцѣ *. Это время ихъ болѣзни, и потому они сидятъ въ норахъ, откуда надобно вытаскивать ихъ руками. Линючій ракъ тогда готовъ для насадки, когда можно съ него и со всѣхъ его частей, даже съ ножекъ, слупить осторожно старую скорлупу; подъ нею останется тонкая, молодая кожица, и онъ сдѣлается такъ нѣженъ и мягокъ, что самага огромнаго рака можетъ заглотать и язь, и головль, и линь, у котораго ротъ очень малъ, относительно его величины. Всѣ роды большихъ рыбъ, не исключая и хищныхъ, до невѣроятности жадны до линючаго рака. Онъ насаживается цѣлый, исключая клешней, которыя составляютъ особую лакомую насадку. Сначала крючокъ продвѣвается сквозь середину шейки и вынимается вонъ внизу, возлѣ первыхъ двухъ ножекъ, такъ что шейка остается продѣта поводкомъ; отступя на палецъ, крючокъ снова впускается весь во внутренность рака и жало его выходитъ нѣ-

* Не утверждаю, но мнѣ сказывали, что въ иныхъ мѣстахъ раки линяютъ два раза.

сколько наружу возль рачьихъ глазъ. Поводокъ легонько выправляется, и ракъ получаетъ свою естественную длину и фигуру. Эту насадку надобно дѣлать очень искусно: если вы прорвете гдѣ-нибудь молодую кожу и внутренность рака выдетъ наружу, то жадная и дерзкая плотва сей часъ начнетъ щипать за прорванное мѣсто и совершенно испортитъ вашу насадку.

Клещенки у крупныхъ раковъ отрываютъ у самаго туловища, во всю ихъ длину, не повредивъ нигдѣ ни маленькаго кончика, очищаютъ отъ старой кожи и также осторожно насаживаютъ съ верхняго конца на крючокъ, который прячется въ самой клешнѣ при ея раздвоеніи: она расправляется на поводкѣ и имѣетъ видъ вытянутой длинной женской перчатки. На нее очень жадно беретъ рыба средней величины.

Если линючій ракъ уже прорванъ, то можно насаживать его по частямъ, то есть: шейку особо, туловище разрѣзать вдоль пополамъ и каждую половинку употреблять также особо, наблюдая при насадкѣ общее правило.

Раковъ всего лучше имѣть живыхъ, но какъ это не всегда возможно (впрочемъ раки

живуть безъ воды дни два и три), то надобно очистить шейки и сохранять ихъ въ жаркое время на льду.

б) *Печеный хлѣбъ и хлѣбныя зерна.* Ржаной хлѣбъ, мягкой, умятый руками до степени липкаго тѣста, скатанный нѣсколько кругловатыми шариками, составляетъ также весьма употребительную насадку, особенно у крестьянъ, живущихъ по рѣкамъ, изобильнымъ рыбой. Всего охотнѣе беретъ на хлѣбъ плотва, но беретъ также и другая рыба, исключая породъ хищныхъ, также ершей и гольцовъ. Хлѣбная насадка, кромѣ удобства ея приготовления, имѣетъ двѣ выгоды: а) клевъ на него вѣрнѣе, ибо круглой кусочекъ хлѣба нельзя таскать съ мѣста на мѣсто безнаказанно, какъ это часто дѣлаетъ рыба съ хвостомъ насаженнаго червяка; и б) отъ васъ зависитъ, насадивъ большой кусокъ хлѣба, величиною съ грѣцкій небольшой орѣхъ, защитить тѣмъ себя отъ дерганья мелкой рыбы и ждать спокойно крупной, чего нельзя сдѣлать ни съ шейкой простаго рака, ни съ червякомъ. Можно удить на ситный и бѣлый хлѣбъ, но ржаный болѣе имѣетъ запаха и рыба охотнѣе беретъ на него.

Хлѣбныя зерна овса, ячменя, гороха, а всего лучше пшеницы, употребляются, предварительно распаренныя въ горячей водѣ, отчего они дѣлаются крупными, мягкими и удобными для протыканія жаломъ крючка. Насаживаютъ по одному зерну, по два и по три, смотря по ихъ мягкости, величинѣ и по рыбѣ. Тутъ особенно надобно наблюдать, чтобы остріе крючка выходило свободно. На зерна преимущественно ловится рыба прикормленная.

7) *Живецъ, животка*, или мелкая, живая рыбка. На мелкую рыбку беретъ окунь, щука, шересперъ или жерихъ, судакъ и головль. На рыбку беретъ охотно и налимъ, но только по ночамъ; на маленькіе кусочки изрѣзанной рыбки поздно осенью клюетъ плотва красноперка. Рыбку обыкновенно насаживаютъ, впуская въ ея спинку острый конецъ крючка, отъ головки къ хвостику. Многіе охотники задѣваютъ крючкомъ за губу живца и утверждаютъ, что этотъ способъ гораздо лучше, что насаженная такимъ образомъ рыбка ходитъ бойче, долѣе живетъ и лучше приманиваетъ хищную рыбу. Все это отчасти и правда, но не менѣе правда и то, что рыбка, задѣтая за губу, часто срывается

сама и еще чаще отрывается, если схватить ее хищная рыба и не вдругъ всю заглотаетъ. Для насадки употребляются всѣ породы рыбъ, кромѣ хищныхъ (въ случаѣ крайности можно и ихъ употреблять), разумѣется, покуда онѣ маленькія; пискари же, гольцы и лошки во всѣхъ своихъ возрастахъ служатъ превосходными живцами. Мелкую рыбку для насадки надобно сохранять живою, что довольно трудно. Самый простой способъ держать ее въ ведрѣ съ водою, которую перемѣнять какъ можно чаще, а всего лучше въ маленькой сажалкѣ, которая можетъ подлѣ васъ стоять, или плавать въ водѣ; но переносить эту сажалку съ мѣста на мѣсто неудобно.

8) *Кобылки, жуки, мухи.* Всѣ роды кобылокъ употребляются для ужения: отъ саранчи до кузнечика. Всего охотнѣе, какъ мнѣ случалось замѣтить, беретъ крупная рыба на большую зеленую кобылку, а средняя и мелкая, на сѣренькую, очень маленькую. Удить надобно съ легкимъ грузиломъ и не глубоко; а около полдень, когда рыба гуляетъ по верху, снявши грузило, надобно пускать еще мельче, превращая такимъ образомъ обыкновенную удочку въ наплавную.

Всѣ породы насѣкомыхъ насаживаются однимъ способомъ: крючокъ впускается въ спинку отъ головки къ хвосту. Этотъ родъ ужения бываетъ успѣшнѣе въ водахъ чистыхъ и довольно быстро текущихъ, особенно въ рѣкахъ степныхъ, потому что въ степяхъ болѣе водятся кобылки, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Жуки употребляются для ужения, такъ называемые *майскіе*, но въ средней полосѣ Россіи, они появляются въ Іюнѣ и продолжаются до половины Іюля, и потому напрасно называются майскими. На нихъ берутъ язи и головли. При насадкѣ ихъ надобно наблюдать, чтобы верхнія, жесткія крылушки были приподняты и изъ-подъ нихъ торчали ихъ вторыя крылья, длинныя, мягкія и прозрачныя. Нѣкоторые охотники даже отрываютъ верхнія, жесткія крылья.

Обыкновенныя мухи составляютъ лакомую приманку для мелкой рыбы; она жадно беретъ на нихъ съ весны до осени, на удочку наплавную или накидную; изрѣдка беретъ рыба и порядочной величины, особенно головлики.

Надобно, чтобъ мухи и всякія насѣкомыя, употребляемыя для насадки, были свѣжія, живыя; для чего надобно ихъ наловить передъ самымъ уженьемъ и посадить въ чистый, сухой, стеклянный пузырекъ, потому что въ мокромъ, или имѣющемъ какой-нибудь запахъ, онѣ тотчасъ перемрутъ.

Можно удить на коромысловъ, бабочекъ, летучихъ таракановъ, однимъ словомъ на всѣхъ насѣкомыхъ и даже на улитокъ. Удятъ также всякую крупную рыбу на кусочки сыраго мяса.

И такъ у насъ готовы не только удочки, но и всякая насадка: надобно выбирать мѣста для уженья.

О ВЫБОРѢ МѢСТА.

Выборъ мѣстъ бываетъ различенъ не только по времени года, но и по времени дня. Весною, пока вода еще нѣсколько мутна, рыба бродитъ зря, какъ говорятъ охотники, и клюетъ вездѣ на всѣхъ глубинахъ: ибо берега рѣкъ еще не опредѣлились, не заросли по мѣстамъ густою осокой, айромъ или камышемъ; береговья деревья и кусты не одѣ-

лись листьями, не покрыли тѣнью зеленаго навѣса прозрачныя воды, маня рыбу пищею и прохладою въ полдень.

Въ рѣкахъ не запруженныхъ, текущихъ вольно, собственной массою воды, обыкновенно выбираютъ для ужения *омута*, то есть: глубокія мѣста, гдѣ вода вдругъ теряетъ свою быстроту, падая въ яму; потомъ, завертывая назадъ около берега, она встречается съ верхнею текучею струею, борется съ нею и наконецъ теряетъ свое стремленіе: изъ этой борьбы образуется тишина; въ такихъ тихихъ омутахъ постоянно держится рыба.

Лѣтомъ надобно выбирать глубину умеренную, дно песчаное, или хрящеватое (то есть состоящее изъ мелкихъ камушковъ), идущее отъ берега покато и отлого въ глубину: на такихъ мѣстахъ хорошо удить рано утромъ и поздно вечеромъ. Еще лучше, если вода аршина на два отъ берега проросла травою и накрылась ея листьями, какъ бы зеленымъ ковромъ. Тутъ много выгодъ для охотника. Тутъ есть для рыбы и пища и защита отъ яркаго солнца; а главное, тутъ не видно рыбака, сидящаго на берегу, и ловко ему положить

свои длинныя удилица на травянистую ткань. Глубокія мѣста, обросшія круглыми, какъ тарелки, зелеными лопухами, представляютъ тѣже выгоды. Мѣста, гдѣ деревья зелеными вѣтвями своими наклонились надъ водою, гдѣ гибкіе кусты омываютъ длинныя листья свои въ прозрачныхъ струяхъ, тихо ропчущихъ отъ ихъ прикосновенія, — благонадежны для ужения не очень ранняго и не очень поздняго: ибо въ это время рыба, уже поднявшись со дна, ходитъ на умѣренной глубинѣ и очень любитъ держаться около зелени листьевъ. Охотники хорошо это знаютъ, и на рѣкахъ и озерахъ, берега которыхъ совершенно голы, прибѣгаютъ къ хитрости, устраиваютъ искусственную зелень: срубаятъ вершину какого-нибудь молодого дерева (если оно мало, то два и три), или цѣлый кустъ тальнику, вербы, выбираютъ удобное для ужения мѣсто, и кладутъ ихъ на воду, погрузивъ до половины и воткнувъ нижніе концы въ берегъ. Мелкая рыба не замедлитъ броситься къ зеленымъ листьямъ, а за ней придетъ и крупная. Дни въ два рыба привыкнетъ держаться около кустовъ, которые, въ послѣдствіи, когда листья поблекнутъ, можно перемѣнять по ночамъ.

Также поступаютъ и на большихъ рѣкахъ, гдѣ удятъ съ лодки, привязавъ къ ней связку вершинъ древесныхъ или кустъ. Если мѣсто не такъ глубоко, то лодка стоитъ на *приколь*, то есть привязанная къ длинному колу, воткнутому въ дно; если же глубоко, то лодка держится на веревкѣ съ камнемъ, опущеннымъ на дно.

Къ осени, для уженья крупной рыбы, по утрамъ и вечерамъ, надобно выбирать самыя глубокія мѣста; но около полудня, рыба уже не прячется отъ солнечнаго зноя, какъ лѣтомъ, подъ траву, кусты, тѣнь нависшихъ береговъ и даже тѣнь мостовъ; напротивъ, обрадовавшись теплотѣ солнечныхъ лучей, она стаями вышмыгиваетъ на поверхность воды, хватая падающіе на нее увядающіе листья и всякихъ насѣкомыхъ. Тутъ надобно удить какъ можно мельче и предпочтительно на всякихъ насѣкомыхъ. Не менѣе выгодны для уженья во всякое время года *перекаты* (мелкія мѣста, рѣки), устья впадающихъ рѣчекъ и ручьевъ, ямы, выбитыя паденіемъ воды подъ мельничными колесами и вешняками. Перекаты — проходное мѣсто рыбы, переплывающей изъ одного омута въ другой, скатываю-

щейся внизъ, когда вода идетъ на убыль, и стремящейся вверхъ, когда вода прибываетъ — перекаты всегда быстры, слѣдовательно удить надобно со дна и съ тяжелыми грузилами. Теченіе воды будетъ шевелить насадку на крючкахъ и проходящая рыба станетъ хватать ее. При устьяхъ впадающихъ рѣчекъ и ручьевъ, всегда держится мелкая рыбешка, а около нея держатся всѣ породы хищныхъ рыбъ: щуки, жерихи, судаки, окуни и даже головли, которые, не смотря на свою нехищную, по видимому, породу, очень охотно глотаютъ маленькихъ рыбокъ. Въ глубокихъ ямахъ, выбиваемыхъ паденіемъ полои воды подъ вешняками или скрынями, всегда водится много крупной рыбы. Подъ шумомъ воды, падающей съ мельничныхъ колесъ, также всегда стоитъ рыба, хотя и не такъ крупная.

Изо всего этого не слѣдуетъ заключать что только въ мѣстахъ, мною изчисленныхъ, должна клевать рыба. Гдѣ есть вода, тамъ она можетъ плавать, слѣдственно и брать на удочку. Рыба пользуется этой свободой, и не рѣдко клевъ ея бываетъ такъ прихотливъ, что приводитъ въ недоумѣніе опытнаго рыбака.

До сихъ поръ мы говорили о рѣкахъ. Выборъ мѣстъ въ небольшихъ рѣчкахъ ручьяхъ, гдѣ ловится на удочку форель (пеструшка), кутема и лохъ, нѣчего сказать особеннаго: такія мѣста перемѣняются безпрестанно, и объ этомъ будетъ сказано въ статьѣ объ уженъѣ форели. Выборъ мѣстъ для уженья въ проточныхъ прудахъ, заросшихъ травою и камышами, имѣетъ свои особенности. Уженье въ ихъ материкъ (материкомъ называется русло настоящей рѣки) есть уженье рѣчное. Тутъ нѣтъ выбора мѣстъ зависящаго отъ положенія береговъ, ибо вода затопила ихъ и стоитъ выше земной поверхности на аршинъ, иногда и болѣе; тутъ надобно знать положеніе дна, замѣтивъ его при спускѣ полой воды, или, если этотъ прудъ вамъ незнакомъ, ощутивъ дно рыбачьимъ лотомъ. (Лотомъ называется маленькая гиря, или большая свинцовая пуля, привязанная къ длинный снурокъ). Отлогое дно, идущее отъ берега въ глубину, твердое, не заросшее травою, не имѣющее задевовъ, безъ сомнѣній есть самое лучшее мѣсто; но здѣсь уженье производится уже съ лодки, или съ нарочито устроенныхъ для того мостковъ или плотъ.

Для ужения въ *полояхъ*, то есть въ разливъ пруда, проросшаго травой и камышами, какъ это особенно бываетъ въ губерніяхъ черноземныхъ, надобно выбирать мѣстечки поглубже, незаросшія травой или камышомъ. Лѣтомъ вся рыба бросается туда, и полои дѣлаются единственнымъ и обильнѣйшимъ мѣстомъ для ужения, о чемъ мы поговоримъ подробно въ своемъ мѣстѣ. Въ озерахъ, если берега ихъ обросли травой и кустами, выборъ мѣстъ для ловли удочкой во многомъ сходенъ съ выборомъ мѣстъ въ рѣкѣ. Въ компаномъ прудѣ берега и дно вездѣ одинаковы, и потому можно удить, гдѣ угодно.

Мѣста для ужения получаютъ особенныя достоинства отъ прикормки.

ПРИКОРМКА.

Прикормкою называются бросаемые въ воду хлѣбъ, хлѣбныя зерна, квасная гуща, червячки и вообще все то, что ѣсть рыба. Много есть рыбаковъ-охотниковъ, которые цѣлый вѣкъ удятъ безъ прикормки и даже не находятъ въ ней большой пользы, но последнее несправедливо: прикормка дѣло ве-

ликое и не только доставляет обильнѣйшій ловъ, но даетъ возможность выуживать рыбу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ безъ прикормки вы никогда ее не выудили, въ такое время года, когда эта порода рыбы перестала уже браться. Разумѣется, мы говоримъ о прикормкѣ постоянной, которую хорошо готовить следующимъ образомъ: берутся хлѣбныя зерна ржи, овса, пшеницы, или какія есть; прибавляются отруби, корки ржаного хлѣба, особенно пригорѣлыя (рыба далеко слышитъ ихъ запахъ), все это кладется въ чугунокъ, наливается водой и ставится въ жаркую печь на сутки на двое, такъ чтобы совершенно разварилось.

Прикормки бываютъ *временныя* и *постоянныя*. Временною прикормкою мы называемъ бросанье оной во время ужения, или съ вечера наканунѣ, или передъ самымъ ужениемъ. Можно бросать и червей и раковъ, разщипанныхъ въ куски. *Постоянною* называется опущеніе въ воду, на самое дно, мѣшка прикормкою, сей часъ мною описанною; величина мѣшка произвольная, но весьма достаточно, если онъ будетъ четверти $2\frac{1}{2}$ въ длину и $1\frac{1}{2}$ въ ширину. Мѣшокъ долженъ бы

сшить изъ рѣдинки, такъ, чтобы не только просачивалась жидкость, но и зерна мѣстами высовывались. Мѣшокъ съ такою прикормкою, съ камнемъ для тягости, привязанный на веревочкѣ, опускается на самое дно въ избранномъ для уженья мѣстѣ. Мѣшокъ надобно класть недалеко отъ берега, такъ чтобы удочки ходили около него впереди, для того, чтобъ подходящая къ прикормкѣ рыба прежде встрѣчала насаженные крючки. Мѣшокъ долженъ быть привязанъ шнуркомъ къ маленькому колушку, который втыкается въ берегъ, или подъ берегъ, такъ чтобы его нельзя было и примѣтить никому, и чтобъ только хозяинъ могъ его отыскать. Шнурокъ нуженъ во первыхъ для того, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было перенести мѣшокъ съ прикормкой на другое мѣсто; и во вторыхъ для того, что если вы заденете за него удочкой, то можете вытащить мѣшокъ и крючокъ отцѣпить. Задѣть можно при всей осторожности: рыба натащитъ. Мнѣ случилось одинъ разъ вытащить мѣшокъ и пришпиленную къ нему крючкомъ моей удочки плотицу.

Постоянная прикормка должна лежать недѣли двѣ прежде, чѣмъ начнется уженье; очень

полезно, сверхъ того, побрасывать всякой день прикормки особо, горсти по двѣ, по утрамъ или вечерамъ. Если сдѣлать такую прикормку съ весны, сей часъ, какъ сольеть вода, покуда не выросла трава около береговъ и на днѣ рѣки, пруда или озера, и не развелись водяныя насекомыя, слѣдственно въ самое голодное для рыбы время, то можно такъ привадить рыбу, что хотя она и высосетъ прикормку изъ мѣшка, но все станетъ приходить къ нему, особенно, если поддерживать эту привычку ежедневнымъ бросаньемъ прикормки въ одно и тоже время; разумѣется, уже въ это время надобно и удить.

Прикормка постоянная имѣетъ еще и ту выгоду, что менѣе приманиваетъ мелкой рыбы, чѣмъ временная.

Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что не только можно, но и должно на то удить, чѣмъ прикормлена рыба, то есть: на хлѣбъ и на распаренныя хлѣбныя зерна; но охотники рѣдко выдерживаютъ такую послѣдовательность и спѣшатъ предложить дорогимъ гостямъ вкуснѣйшiя и любимѣйшiя ими кушанья, какъ то: червей, раковъ и др. Въ оправданiе охотниковъ можно сказать то, что на

хлѣбъ и зерна нѣкоторыя породы рыбъ совсемъ не берутъ; за что же рыбаки добровольно лишитъ себя возможности ихъ выудить, лишится разнообразія добычи, столь пріятной?

Дѣлаются хлѣбныя прикормки съ коноплянымъ масломъ, съ сыромъ; пришиваютъ къ мѣшку, завернувши въ тряпочку, маленькіе кусочки бобровой струи (даже привязываютъ ихъ къ крючкамъ): все это я пробовалъ, но никакой особенной пользы не видѣлъ; хлѣбомъ же, или квасною гущей съ коноплянымъ масломъ, по моему замѣчанію, скорѣе можно отвадить рыбу; я два раза испыталъ это очевидно на карасяхъ. Я увѣренъ впрочемъ, что должна существовать такая лакомая пища для рыбы, которая имѣетъ силу непременно собрать ее въ одно мѣсто: покуда еще не сдѣлано этого важнаго открытія.

Хотя, послѣ всего, мною сказаннаго, нельзя оспоривать, что постоянная прикормка очень выгодна для ужения, но, повторяю, есть охотники, которые предпочитаютъ ужение безъ прикормки: »Что за удовольствіе, говорятъ они, поймать рыбу, которая, посредствомъ долговременной привычки, сдѣлалась

»почти ручною, приваженная есть кормъ,
 »безъ всякаго опасенья, въ извѣстное время,
 »какъ дворовая птица? Тутъ пропадаетъ ис-
 »кусство удить, тутъ почти равняется умъю-
 »щій съ неумъющимъ рыбакомъ; тутъ не
 »нужны ни трудъ, ни забота, ни бессонныя
 »ночи. Нѣтъ, изучить, отгадать мѣсто пребы-
 »ванья, свойство и вкусъ осторожной, пугли-
 »вой, вольной рыбы, привлечь и обмануть ее
 »искусной насадкой, подстеречь ее прикосно-
 »венье къ крючку — вотъ въ чемъ наслаж-
 »денія рыбака! Одна такая рыба стоитъ де-
 »сяти прикормленныхъ!» Не смотря на то,
 что я много уживалъ съ прикормкой, про-
 должаю и теперь удить и защищаю ее вы-
 годы, я долженъ признаться, что тутъ много
 правды, если смотрѣть на ужение съ его
 поэтической стороны.

ОБЪ УМЪНЬЪ УДИТЬ.

Нѣтъ, кажется, ничего проще, какъ взять
 удочку, насадить червячка или кусочекъ
 хлѣба, закинуть въ воду, и когда погрузится
 наплавокъ, вытащить рыбу на берегъ. Все
 это правда, а не менѣе того и то правда,

что существуетъ большое умѣнье удить рыбу. Для пріобрѣтенія вполне этого умѣнья, надобно много опытности и даже нѣкоторыхъ особенныхъ способностей. Напримѣръ нужны: ловкость въ рукахъ и искусство сохранять натуральный видъ червяка, рака и насѣкомыхъ, насаживаемыхъ на крючокъ; острое зрѣніе для наблюденія за движеніями наплавка, иногда едва примѣтными и вовсе непонятными для непосвященнаго въ таинство ужения; нужны неразвлекаемое вниманіе, смѣтливость и догадка..... Вы уже смѣетесь, вы подумали, любезные читатели, что я хочу изчислять всѣ качества, необходимыя ружейному охотнику, о которыхъ напечатано въ *»Совершенномъ Егерѣ«*, и дойду наконецъ до *»острыхъ, прямыхъ зубовъ и страха Божія?»* Хотя это чувство не худо имѣть каждому человеку, но я скажу вамъ нѣчто другое. Настоящему рыбаку, охотнику-артисту, необходимо изученіе нравовъ рыбъ, а это самое трудное и темное дѣло, хотя рыбы живутъ и въ прозрачныхъ чертогахъ. Нравы ихъ должно отгадывать данныхъ очень немного, и потому надобно имѣть и проницательность и соображеніе, а сколько труда, безпокойства!... Вечерняя и

утренняя заря — наилучшее время для наблюденія нравовъ рыбъ, а льтомъ, какъ говорится, заря съ зарей сходится... итакъ наблюдателю немного часовъ останется спать.

Если бы кто нибудь вздумалъ спросить меня, хотя ради шутки: что я разумью подъ словами «нравы рыбъ?» то я отвѣчалъ бы, что подъ этими словами я разумью вообще природныя свойства рыбъ; то есть въ какихъ водахъ преимущественно любятъ жить такія-то породы рыбъ, что составляетъ ихъ любимую пищу, въ какое время года и въ какое время дня держится рыба въ такихъ-то мѣстахъ и пр. и пр.

Надобно признаться, что мы очень мало знаемъ эту любопытную сторону натуральной исторіи въ жизни обитателей водъ. Все, что мнѣ случалось читать, весьма неудовлетворительно, а иногда и очевидно невѣрно. Разказы рыбаковъ по ремеслу, которые впрочемъ рѣдко и мало занимаются ловлею на удочку, конечно, могутъ быть очень полезны; но эти люди часто смотрятъ съ отвращеніемъ на свое ежедневное, трудовое занятіе, работу, доставляющую имъ скудный кусокъ насущнаго хлѣба. У нихъ нѣтъ любви къ сво-

ему дѣлу, слѣдовательно не можетъ быть вниманія и наблюдательности образованнаго человѣка; но, повторяю, что разказами ихъ очень можно воспользоваться. Говоря о каждой породѣ рыбъ отдѣльно, я скажу все то немного, что знаю о ихъ нравахъ, также о клевѣ и способахъ удить. Предупреждаю моихъ читателей, что хотя все, мною сказанное, будетъ совершенная правда, но легко можетъ оказаться неудачнымъ и даже безуспѣшнымъ въ исполненіи. Не только въ разныхъ водахъ, у однихъ и тѣхъ же породъ рыбъ бываютъ разные вкусы и свойства, но въ одной и той же рѣкѣ нравы ихъ измѣняются съ теченіемъ времени. Вѣроятно, это зависитъ отъ измѣненія свойствъ воды, береговъ дна и обыкновеннаго ихъ корма. Отъ усиленаго народонаселенія и скотоводства, постройки мельницъ, вода дѣлается мутнѣе и теплѣе; берега теряютъ оброставшія ихъ прежде травы, въ разливахъ прудовъ вырастаютъ новыя, свойственныя только водѣ мелкой и запруженрой, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняется и клевъ. И такъ, мнѣ остается сказать только объ однихъ общихъ правилахъ относительно умѣнья удить.

Первое). Важнѣйшее дѣло въ умѣньѣ удить—умѣнье хорошо устроить удочки; объэтомъ уже было говорено, но я повторяю вкратцѣ: удилице должно быть прямо, гладко, легко, ловко для подсѣчки, конецъ его гибокъ; леса должна быть ровна и ссучена не круто. Крутая леса будетъ свиваться, наплавокъ станетъ вертѣться, крючокъ съ насадкой приподниматься къ верху, и, если въ этомъ положеніи возьметъ рыба, то, по большей части, случится промахъ. Это нееносно на уженъѣ, и даже пугаетъ рыбу; такую лесу или надобно рассучить, что довольно хлопотно, или бросить. Узелки, которыми поводокъ привязанъ къ лесѣ и крючку, должны быть не велики, безъ махровъ; поводокъ долженъ идти отъ внутренней стороны крючка; крючокъ, хорошо загнутый, всегда острый: какъ скоро жало притупляется, сейчасъ перемѣнить крючекъ *. Насадка свѣжая, живая, насажена искусно. Вся удочка должна быть соразмѣрна въ своихъ частяхъ, красива, даже изящна. Такая удочка большая порука за успѣхъ.

* Чтобы жало крючка не тупилось, надобно не втыкать его никогда въ удилице, что дѣлается весьма часто.

Второе). Не менѣе важно умѣть пользоваться благопріятною погодою и временемъ дня. Самые драгоцѣнные часы для уженья — раннее утро. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ это время рыба голоднѣе, беретъ охотнѣе и смѣлѣе, потому что вода еще не очень свѣтла, и заклеываетъ вѣрнѣе. Чѣмъ жарче погода, тѣмъ надобно удить ранѣе: среди лѣта, въ ясные знойные дни, едва блеснетъ бѣлая полоса [на востокъ, охотникъ долженъ быть на мѣстѣ уженья: мы разумѣемъ уженье крупной рыбы, и особенно на прикормленномъ мѣстѣ; покуда рыба къ бросить прикормку, разовьетъ и насадить старательно удочки, уже займется заря, начнутъ выскакивать пузыри со дна на поверхность воды отъ идущей со всѣхъ сторонъ рыбы и клевъ наступитъ немедленно. Онъ не продолжается долго. Какъ только солнце хорошенько обогрѣетъ и лучи его поглотятъ утреннюю прохладу, ступайте на другое мѣсто удить среднюю, или мелкую рыбу, или ступайте съ своею добычею домой и ложитесь спать. Въ дождливую и прохладную погоду не нужно начинать удить такъ рано, особенно весной и осенью.

Третіе). Весьма также важно знать, въ каки хъ

мѣстахъ, въ какое время года и въ какую погоду держится рыба. Можно получить объ этомъ нѣкоторое понятіе, прочтя все написанное мною; но узнать настоящимъ образомъ этого не лзя, по одному описанію; тутъ необходимо знаніе опытное, собственное наблюденіе. Иногда мѣсто кажется очень хорошо, со всѣми выгодами, а рыбы нѣтъ, и на оборотъ. Никакъ нельзя оспаривать, что у рыбы есть любимыя мѣста, по видимому, безъ всякой причины. Самые благопріятные дни для уженья, дни теплые, сырые, съ перепадающими дождями и особенно тихіе: при одномъ только уженьѣ окуней и плотвы даже сильный вѣтеръ бываетъ иногда полезенъ. Въ знойные, безоблачные дни можно удить только рано поутру и поздно вечеромъ (о полдневномъ уженьѣ поговорю особо); но въ сырые, ненастные дни можно удить цѣлый день. Хотя иногда набѣжитъ туча съ сильнымъ вихремъ, съ частымъ и крупнымъ дождемъ, которая забьетъ ваши наплавки подъ траву, въ шумныя брызги и пузыри изрубитъ гладкую поверхность воды, взмутитъ ее, если она не глубока, отнесетъ длинныя плетеницы травы туда, гдѣ ея не бывало, такъ измѣ-

нить положеніе мѣста уженья, что вы сами его не узнаете... Но туча пронеслась, влажная, парная теплота разливается въ воздухъ, мгновенно наступаетъ глубокая тишина, все приходитъ въ порядокъ: круглые, зеленые лопухи медленно отплываютъ на свое прежнее мѣсто, длинные листья прибрежной травы снова разстилаются широко надъ водою, и рыба, испуганная на время внезапнымъ возмущеніемъ стихій, съ новою жадностью бросается на ваши, между тѣмъ оправленные, крючки. Теперь поговоримъ собственно о процессѣ уженья.

Четвертое). Охотникъ долженъ наблюдать возможную тишину и стараться, чтобы рыба его не видала, особенно, если вода свѣтла, мѣсто не глубоко и удочки закидываются не далеко отъ берега. На водѣ мутной и значительной глубинѣ, также подъ шумомъ мельничныхъ колесъ, или падающей воды, и при далекомъ закидываніи удочекъ, можно наблюдать менѣе осторожности.

Пятое). Удочку должно закидывать, не шлепая по водѣ удилицемъ, и всегда подальше, а потомъ привести на то мѣсто, на которомъ вы назначаете держаться наплавку.

Шестое). Безъ надобности не должно часто вынимать удочки, особенно при уженъ круп- ной рыбы: этимъ можно испугать ее; но если безпрестанно дергаетъ мелкая рыба, то неми- нуемо часто вынимать и оправлять, или пе- ремѣнять испорченную насадку.

Седьмое). Никогда не должно употреблять много удочекъ. Если вы удите со дна, можете закинуть три удочки, никакъ не болѣе, и то въ такомъ случаѣ, если у васъ есть три раз- ные насадки. При малѣйшемъ движеніи на- плавка, надобно сейчасъ положить руку на удилице, не пошевелия его съ мѣста, чтобы въ ту же минуту, какъ скоро рыба погрузитъ наплавокъ, или значительно потащить въ сторону, можно было ее подсѣчь. Если на- плавки ходятъ на вѣсу, то болѣе двухъ удо- чекъ употреблять не должно: ибо тутъ иног- да, вслѣдъ за первымъ движеніемъ, мгновенно слѣдуетъ погруженіе наплавка. Если же вы удите мелкую рыбу, которая клюетъ часто посреди безпрестаннаго дерганья, то надобно удить на одну удочку и держать удилице въ рукъ, иначе вы будете кидаться отъ од- ной удочки къ другой и на обѣихъ пропу- скать время, благоприятное для подсѣчки

Знаніе времени, поры для подсѣчки, безъ сомнѣнія, всего важнѣе въ умѣньѣ удить; но сдѣлать общее правило, когда надобно подсѣкать, невозможно: ибо у всякой рыбы особый клѣвъ и особая подсѣчка, и та измѣняется по измѣненію характера клева и времени года; о ней будетъ сказано при описаніи каждой рыбы отдѣльно.

Осьмое). Какъ можно надобно стараться, чтобы не класть удилицъ на воду и не погружать ихъ концовъ въ воду. Если позволяетъ мѣсто, то можно легонько втыкать концы удилицъ въ берегъ, или класть ихъ на береговую высокую траву, или подставлять подъ нихъ рогульки, которыя заблаговременно можно воткнуть у берега въ воду, на мѣстахъ, гдѣ вы постоянно удите. Это чрезвычайно нужно для скорости и вѣрности подсѣчки. Въ такомъ только случаѣ необходимо класть удилица на воду, если она, по отмѣли, далеко проросла травою, такъ что удилице едва достаетъ ся края. При такомъ неудобномъ уженъ надобно тащить рыбу, если можно, прочь отъ себя, или прямо до самой поверхности воды, и потомъ выкинуть на берегъ. Это дѣлается для того, чтобы рыба не за-

пугалась въ травъ, куда она сейчасъ бросается.

Девятое). Леса, отъ удилица до наплавка, особенно, если она длинна, не должна слишкомъ много погружаться въ воду: она можетъ задръть за что-нибудь, на мелкомъ днѣ у берега, и вы сдѣлаете промахъ.

Десятое). Не должно вытаскивать рыбу съ одного приѣма, изъ всей силы: у мелкой рыбы вы станете рвать губы и забрасывать такъ далеко на берегъ, что иногда не скоро въ травъ и найдете, даже потеряете; а съ крупной рыбой можете порвать лесу или сломать удилице. Надобно быстро подсъчь, и если рыба не велика, то легонько ее вытащить; если же вы слышите большую рыбу, то, послѣ подсъчки, которая должна быть довольно сильна, чтобы жало крючка могло вонзиться глубже, надобно дать ей свободу ходить на кругахъ, не ослабляя лесы, и не вдругъ выводить на поверхность воды, а терпѣливо дожидаться, когда рыба утомится и сдѣлается смирна; тогда, смотря по удобству берега, или подведя поближе, взять ее рукою, за неимѣніемъ сачка, если берегъ крутъ, или вытащить ее таскомъ, если берегъ

пологъ, для чего надобно отбѣжать назадъ или въ сторону. Впрочемъ это непростительная вина удить, не имѣя съ собою сачка, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можетъ взять крупная рыба.

Одиннадцатое). Если возьметъ очень большая рыба и вы не умѣете, или не можете заставить ее ходить на кругахъ въ глубинѣ, если она бросится на поверхность воды и пойдетъ прямо отъ васъ, то надобно попробовать заворотить ее въ бокъ, погрузивъ удилице до половины въ воду; если же это не поможетъ и напротивъ рыба, идя вверхъ и прочь отъ васъ, начнетъ вытягивать лесу и удилице въ одну прямую линію, то бросьте сейчасъ удилице въ воду. Это одно спасеніе: если вы станете упорствовать, то потеряете и рыбу и удочку: или крючокъ лопнетъ, или леса порвется. Рыба утомится, плавая на брошенномъ вами удилицѣ, и прибѣется или къ берегу, или запутается въ траву на мелкомъ мѣстѣ: тамъ можете вы удобнѣе ее достать.

Двенадцатое). При вытаскиваніи большой рыбы никогда не должно брать рукой за лесу, хотя бы и казалось это очень удобнымъ: тутъ можетъ случиться таже потеря, о которой я

сейчасъ говорилъ. Въ одномъ только случаѣ надобно прибѣгнуть къ этому средству: если у васъ переломится удилице очень высоко, тогда нѣчего дѣлать, надобно полегоньку подтягивать рыбу къ мелкому мѣсту, или пологому берегу, и взявъ рукой за лесу на аршинъ отъ рыбы, выволочь ее таскомъ на берегъ. Должно всегда помнить, что леса, особенно не толстая, только потому выдерживаетъ тяжесть большой рыбы, что она плаваетъ въ водѣ и что гибкій конецъ удилица служитъ, такъ сказать, продолженіемъ лесы.

Тринадцатое). Если рыба на удочкѣ запутается въ травѣ, то никакъ ее не тащить; напротивъ, ослабить лесу и дать рыбѣ свободу выпутаться самой изъ травы, что она почти всегда сдѣлаетъ: нужно только терпѣнье. Наплавокъ или леса сейчасъ вамъ покажетъ, что рыба пошла въ ходъ; тогда надобно проворно вывести ее на чистое мѣсто и дальѣ поступать такъ, какъ я сейчасъ говорилъ. Если же, по прошествіи долгаго времени, рыба не отпутьвается и слышно по рукѣ, что она крѣпко затянулась и задѣла на днѣ за корни травы, то надобно лезть въ воду и отцѣпить руками: тутъ сохранится и удочка и рыба,

или надобно достать длинный шестъ, вырѣзать на тонкомъ концѣ его углубленіе (родъ рогульки), и дойдя имъ по лесъ до крючка и до корня травы, за который онъ зацѣпилъ, легонько вырвать траву изъ дна: въ этомъ случаѣ рыбу уже трудно сохранить.

Кажется, я все сказалъ, что болѣе или менѣе составляетъ умѣнье удить или къ нему относится. Говоря, сколько можно, вообще, я не могъ избѣгнуть и частностей, которыя неминуюмо должны повториться въ своемъ мѣстѣ.

Никакъ нельзя спорить, что въ уженъѣ, какъ и вездѣ, много зависитъ отъ счастья, и что есть счастливые рыбаки, также какъ есть счастливые игроки. Иначе мудрено будетъ объяснить ни на чемъ не основанную удачу одного и ничѣмъ не заслуженную неудачу другаго. Но, какъ счастливый игрокъ, безъ умѣнья, не рѣдко остается въ проигрышѣ, такъ и счастливый рыбакъ, безъ умѣнья, выуживаетъ мало. Вездѣ надобно твердость, терпѣніе и умѣнье воспользоваться счастьемъ. Нетерпѣливый рыбакъ, раздосадованный тѣмъ, что у его сосѣда-рыбака, на дурномъ мѣстѣ, на грубо устроенную удочку,

на глупую, несвоевременную насадку, частехонько поклевываетъ рыба, а его удочки, мастерски устроенныя, по охотничьи насаженныя, лежатъ неподвижно, не рѣдко бросаетъ выгодное прикормленное мѣсто, переходитъ на другое, на третье, пропускаетъ удобное время и возвращается домой съ пустыми руками; тогда, какъ сосѣдь, перейдя на оставленное имъ мѣсто, не смотря на плохія удочки и неумѣнье удить (отчего, разумѣется, онъ потеряетъ половину рыбы), возвращается домой съ полнымъ кошелькомъ. Впрочемъ это болѣе касается до характера, а не до умѣнья удить. Никогда не должно уходить съ мѣста, не попробовавъ поудить на удочки разной величины и разной глубины, и на всѣ роды насадокъ, какія у васъ есть. Рыба бываетъ непостижимо своенравна и прихотлива, по крайней мѣрѣ, такъ кажется намъ по нашему невѣдѣнію: сколько разъ со мной случалось, что на удочку, хуже другихъ устроенную, не на мѣстѣ лежащую, на одинъ и тотъ же обрывокъ червяка, или рака, безпрестанно брала хорошая рыба, тогда какъ наплавки другихъ удочекъ, во всемъ ее превосходящихъ, съ живою, лакомою насадкой

лежали неподвижно. Такимъ обстоятельствамъ пренебрегать не должно, и не мудрствуя лукаво, оставя другія удочки, продолжать удить на ту, на которую беретъ, то есть, на счастливую, насаживая на нее не цѣлыхъ червей или раковъ, а обрывки ихъ, и закидывая на тоже самое мѣсто.

Объ уженъ на крючки съ искусственными наськомыми я ничего не могу сказать, потому что сколько разъ его ни пробовалъ, пробы были неудачны.

Уженъ форели (пеструшки), кутемы и лоха, или красули, имѣеть совсѣмъ особенный характеръ, если производится на быстрыхъ, мелкихъ рѣчкахъ; въ верховьяхъ же прудовъ, тѣхъ же самыхъ рѣчекъ, въ которыхъ иногда водятся эти породы рыбъ, оно ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго уженя, ибо вода уже въ нихъ не совсѣмъ прозрачна и глубока. Удить форель въ рѣчкахъ надобно съ величайшею осторожностью: малѣйшій шумъ, человѣческая тѣнь, мелькнувшая на поверхности воды, мгновенно заставятъ спрятаться подъ берегъ или корни деревъ пугливую рыбу, изъ-подъ которыхъ она не выходитъ иногда по нѣскольку часовъ. Высмо-

трѣвъ издали удобное мѣсто, надобно подкрадываться изъ-за кустовъ и пропустивъ сквозь нихъ длинное, прямое удилице, на концѣ котораго навита коротенькая леса безъ наплавка, съ небольшимъ грузиломъ и крючкомъ и насадкою краснаго навознаго червяка, тихонько развить лесу и опустить въ воду; если рыба васъ не увидитъ, то она схватитъ ту же секунду, иногда едва допуститъ червяка погрузиться въ воду. Если же вы опустите крючокъ и рыба не беретъ немедленно, то значитъ: или ее нѣтъ, или вы ее испугали. Сейчасъ надобно идти на другое мѣсто. Для уженья выбираютъ по рѣчкѣ небольшіе омуточки. На одномъ мѣстѣ никогда болѣе пяти, много шести рыбъ не выудишь. Иногда можно закидывать удочку, спрятавшись за крутыми берегами, густыми деревьями, или кустами, не пропускаая сквозь нихъ удилица: въ такомъ случаѣ леса должна быть подлиннѣе. Надобно признаться, что это уженье довольно безпокойно и утомительно. Пеструшка, и особенно лохъ, по словамъ нѣкоторыхъ охотниковъ, охотно берутъ на маленькую рыбку.

Пеструшка, хотя очень рѣдко, попадается

иногда довольно большая, а лохъ бываетъ огромной величины. Въ небольшой рѣчкѣ и на малой глубинѣ возиться съ ними очень трудно. Водить не ловко, изъ береговъ торчатъ корни, на берегахъ кусты и деревья, а лѣсы, по большей части, бываютъ нетолстыя, крючокъ небольшой, удилице негнуткое, а рыба самая бойкая..... бѣда, да и только! При такихъ обстоятельствахъ мудро избѣжать несчастной потери. Впрочемъ, очень крупная рыба рѣдко беретъ въ маленькихъ омуточкахъ, а болѣе въ верховьяхъ прудовъ, въ мѣстахъ глубокихъ; тамъ хорошему охотнику нѣчего бояться отчаянныхъ прыжковъ этой бѣшеной на удочкѣ рыбы, и драгоценная добыча не уйдетъ отъ его сачка.

Уженье около полдень, о которомъ я обѣщаль сказать особо, въ жаркіе лѣтніе дни, производится въ такихъ мѣстахъ, гдѣ густая тѣнь покрываетъ воду, какъ-то: подъ мостами, плотами, нависшимъ берегомъ, толстыми пнями и карягами, не рѣдко торчащими въ водѣ, подъ густымъ навѣсомъ травъ, растянувшихся иногда надъ значительною глубиною. Особенно окуни любятъ стоять въ тѣни и берутъ довольно хорошо; иногда хватить

язь и головль. Но только въ проточныхъ прудахъ, заросшихъ камышами и травами, полдневное ужение имѣеть настоящее значеніе. Лѣтомъ, въ жаркой день, часовъ съ девяти утра, вся порядочная рыба уйдетъ изъ материка и чистыхъ мѣстъ разлива въ полон, проросшіе разными травами и зеленымъ, густымъ лѣсомъ камыша, надъ которымъ возвышается уже палочникъ своими пуховыми, темно-коричневыми султанами. Въ травахъ и камышахъ всегда бывають мѣстечки поглубже другихъ, которыя никогда не заростають. Вотъ тутъ-то надобно удить, разумѣется, на лодкѣ. Въ травѣ, около такихъ мѣстъ, въ надлежащемъ разстояніи, становятся колья, къ которымъ привязывается лодка для того, чтобы она не качалась. Тутъ непременно нужны длинныя удилица, ибо лодка должна стоять не близко отъ мѣста ужения; удилица кладутся на траву. Въ камышахъ же не надобно кольевъ. Подогнавъ осторожно лодку къ незаросшему мѣсту, надобно стать къ нему бокомъ, такъ, чтобы лодка и рыбаки совершенно были спрятаны въ камышъ, котораго горсти по двѣ съ обѣихъ сторонъ захватываются и подгибаются подъ себя: ры-

бакъ плотно сядеть на нихъ и лодка будетъ стоять неподвижно. По большой части вода бываетъ не глубока; тѣмъ болѣе надобно тишины и осторожности въ движеніяхъ, особенно при вытаскиваніи рыбы, которая очень хорошо беретъ въ такихъ мѣстахъ, и очень крупная. Это уженье въ полбяхъ имѣеть особенную важность потому, что въ знойное, лѣтнее время, кромѣ ранняго утра и поздняго вечера, и то на мѣстахъ прикормленныхъ, трудно выудить что-нибудь порядочное и въ материкъ пруда, и въ его верховья, и въ рѣкѣ; тогда какъ здѣсь добыча бываетъ иногда чрезвычайно изобильна и разнообразна. Весело смотрѣть на *кружокъ* *, привязанный къ лодкѣ съ противоположной стороны уженью, въ которомъ ходять крупные окуни, язи, головли, лини, лещи и даже щуки!

Всякому рыбаку извѣстно, что не рѣдко случается задѣвать крючками удочекъ за неровное дно, берегъ, камни, травянистые и

* *Кружокомъ* называется мѣшокъ изъ крѣпкой, частой сѣти; въ середину его вставляется обручъ; нижній конецъ завязывается наглухо, а верхній собирается на крѣпкій снурокъ, которымъ онъ и привязывается, къ чему случается.

древесные корни, торчащіе въ водѣ непри-
 мѣтно для зрѣнія, или вѣтви цѣлыхъ деревь,
 не рѣдко въ ней лежащихъ. Много пропадаетъ
 отъ того крючковъ и даже лесъ. Избѣжать
 такихъ невзгодій не лѣзя, особенно если удишь
 въ водахъ неизвѣстныхъ; притомъ рыба, пре-
 имущественно окуни, именно въ такихъ крѣп-
 кихъ мѣстахъ любитъ держаться. И такъ для
 отдѣванья удочекъ всегда надобно имѣть глад-
 кое желѣзное кольцо, вершка въ полтора
 ширины и отъ одного до двухъ фунтовъ вѣса,
 привязанное на длинномъ, тонкомъ и крѣп-
 комъ снуркѣ; продѣвъ въ него задній конецъ
 удилица задѣтой удочки, надобно дать коль-
 цу свободу бѣжать внизъ, сначала по удили-
 цу, а потомъ по лесѣ, которую въ это время
 держать нѣсколько наслаби: кольцо, дойдя
 до крючка, отдѣнетъ его своею тяжестью. За
 неимѣніемъ кольца, можно довольно успѣшно
 отдѣвать удочки шестомъ, точно такъ, какъ
 я говорилъ объ отдѣваньи запутавшейся въ
 травѣ рыбы. Но можетъ случиться, что
 нѣтъ ни кольца, ни шеста, и нѣкому лѣзть
 въ воду, чтобъ отцѣпить крючокъ,—потеря его
 неизбежна; остается оторвать, и сколько мож-
 но сохранить лесу; для этого нѣтъ другаго

средства, какъ навивать ее на удилице до тѣхъ поръ, пока она лопнетъ.

Никогда не должно спѣшить отдѣваньемъ зацѣпившейся удочки. Очень часто бываетъ, что ракъ затаскиваетъ крючокъ въ нору, а рыба—подъ берегъ. Удочку надобно положить; не рѣдко случается, что черезъ нѣсколько времени она отцѣпится сама, то есть ее отцѣпитъ рыба или выпуститъ ракъ или вымоетъ изъ берега водой.

Приступаю къ описанію породъ рыбъ, мнѣ извѣстныхъ, которыя берутъ на удочку. Начну съ мелкой рыбы, никогда не достигающей значительной величины, потомъ скажу о породахъ крупныхъ, но не хищныхъ, очень рѣдко питающихся рыбою, и наконецъ о породахъ собственно хищныхъ, для которыхъ мелкая рыбешка составляетъ существенную и почти единственную пищу.

1.

ЛОШОКЪ.

Самое имя этой красивой рыбки указываетъ, что оно уменьшительное отъ имени лохъ, и оно не даромъ дано ей: красныя,

черныя и бѣлыя крапинки, которыми она испещрена, очень похожи на крапины лоха. Это самая маленькая рыбка: лошокъ въ два вершка рѣдкость по величинѣ. Они водятся въ маленькихъ родниковыхъ рѣчкахъ и всегда появляются большими стаями. Иногда въ омутчкѣ прозрачнаго ручья вдругъ видишь, что свѣтлое вездѣ дно покрыто чѣмъ-то чернымъ: это лошки, которые въ нѣсколько рядовъ стоятъ другъ на другъ, и обыкновенно покрупнѣе внизу, а самыя мелкіе сверху. Не трудно наловить ихъ сколько угодно *недоткой* изъ рѣдинки, частымъ сакомъ, или *хребтугомъ* *, привязаннымъ двумя короткими боками къ двумъ палкамъ; но если не случится подъ руками и этихъ нехитрыхъ, рыболовныхъ снастей, а есть небольшая удочка, то лошки станутъ безпрестанно брать на навознаго червячка (безъ хвостика вѣрнѣе) и простую муху: чѣмъ удочка меньше, тѣмъ лучше. Разумѣется, никто не станетъ удить лошковъ безъ особенной надобности; я самъ помню, что уживалъ ихъ только въ ребя-

* Хребтугомъ называется раскрытый мѣшокъ изъ рѣдинки же, въ которомъ задаютъ лошадямъ овесъ.

чествъ; но они очень могут понадобиться, ибо составляютъ превосходную насадку для ужения окуней и всякой хищной рыбы средней величины. Я видалъ лошковъ только въ Оренбургской губерніи; тамъ водились они въ большомъ изобиліи и даже не въ маленькихъ рѣчкахъ, а въ такихъ, на которыхъ стояли мельницы постова на четыре, и я очень помню безчисленныя станицы лошковъ, лежащія на днѣ, подъ мельничными водяными колесами. Но умножившееся народонаселеніе взмутило чистоту и прозрачность тамошнихъ прекрасныхъ рѣкъ и рѣчекъ, и лошковъ становится гораздо меньше. Жареные лошки на сковородкѣ составляютъ вкусное блюдо: ихъ готовятъ нечищенныхъ, а выдавливаютъ внутренность руками и хорошенько вымываютъ.

2.

ВЕРХОВКА.

Это также самая маленькая рыбка: не больше лошка, только лошокъ кругль, а она плоска. Верховка такъ похожа на уклейку,

что многіе считаютъ ихъ за одну и ту же рыбу, только въ разныхъ возрастахъ; но это несправедливо. Я знаю множество рѣкъ, въ разныхъ губерніяхъ, въ которыхъ изобильно водится уклейка, подъ именемъ *сентявки*, или *бѣлоглазки*, но въ которыхъ рѣшительно нѣтъ верховки. Имя дано ей по ея свойствамъ: она любитъ плавать на поверхности воды и часто ложится на бокъ, блестя на солнцѣ нѣсколько синевагою серебряною бѣлизною, точно, какъ будто всплыла уснувшая рыбка. Гдѣ много ея, тамъ она очень надоѣдаетъ: вертясь кругомъ удочки съ быстротою молніи, она безпрестанно трогаетъ и поталкиваетъ съ разбѣга ваши крючки, грузило, лесы и даже наплавки; особенно, если вы удите не со дна. Ее можно выудить только на самую маленькую удочку, насаженную на тоненькаго червячка, или на крошечный кусочикъ хлѣба, а всего скорѣе на муху; наплавокъ надобно пускать какъ можно мельче: она рѣдко его погружаетъ, но быстро тащитъ въ сторону. Она также пригодна только для насадки крючка на хищную рыбу. Около Москвы, во всѣхъ рѣкахъ и чистыхъ прудахъ, водится въ большомъ множествѣ.

ГОЛЕЦЬ.

Имя его происходит от свойства кожи: она гола; на ней нѣтъ никакой чешуи; она очень тонка и скользка, какого-то неопредѣленнаго цвѣта: сѣровато-желтоватаго, или бланжеваго. Въ одной и той же водѣ, одни бываютъ свѣтлѣе, а другіе гораздо темнѣе. Голецъ не вырастаетъ длиннѣе четырехъ вершковъ, и то большая рѣдкость; онъ совершенно круглъ; самые крупные бываютъ толщиною пальца въ полтора; маленькой ротикъ его имѣетъ усы. Отличительное свойство гольца состоитъ въ томъ, что онъ водится во всѣхъ водахъ, начиная отъ копанаго, тинистаго, нечистаго, теплаго лѣтомъ пруда, до холоднаго и прозрачнаго, какъ ледъ, горнаго источника. Онъ первый съ форелью (если не прежде ея) появляется въ головѣ родниковъ, лежа иногда подъ самыми тѣми камнями, изъ-подъ которыхъ бьетъ дѣвственная струя воды. Вообще голецъ такъ мелки, что едва ли кто-нибудь занимается собственно ихъ уженьемъ, да и клюютъ они въ рѣчкахъ

и рѣкахъ очень рѣдко; но въ прудахъ, иногда они разводятся до невѣроятнаго множества и берутъ безпрестанно, очень весело ихъ удить. Они исключительно клюютъ одного навознаго червячка. Крючки надобно употреблять мѣньшаго разбора изъ среднихъ потому что на маленькіе трудно и скучно саживать безпрестанно, по необходимости выбирая самыхъ мелкихъ червяковъ; хвостикъ можно пускать короче; гольцы берутъ и все безъ хвоста, хотя не такъ охотно, но это гораздо вѣрнѣе, потому что голецъ клеветъ не съ разбѣга и не вдругъ заглатываетъ, взявъ въ ротъ конецъ червяка, тихо идетъ въ сторону; слѣдственно надобно подсѣкать медленно, какъ скоро наплавокъ повезетъ въ бокъ, или прямо. Удить надобно со дна. Гольцы, по мягкости своей кожи, служатъ лакомою насадкой для всѣхъ хищныхъ рыбъ, но и для человѣка они составляютъ самую вкусную пищу: уха изъ однихъ гольцовъ, осторожно вычищенныхъ, то есть не раздавъ въ пузырькахъ желчь, такъ жирна и вкусна, что едва ли уступить ухѣ изъ налимовъ жареные и маринованные гольцы превеселительны.

4.

ПЕСКАРЬ.

Имя его происходитъ явно отъ того, что онъ всегда лежитъ на песчаномъ днѣ. Обыкновенно говорятъ *пискаръ*, а не *пескаръ*, но единственно потому, что первое легче для произношенія. Самый крупный пескаръ не бываетъ длиннѣе четверти и толще большаго пальца руки (и этой величины достигаетъ онъ рѣдко). Онъ брусковатъ и довольно ровень. Спинка и бока покрыты темно-синими крапинами, а брюшко бѣловатое, серебристаго цвѣта. Пескари всегда появляются стаями, которыя иногда бываютъ невѣроятно многочисленны; водятся и въ малыхъ и большихъ рѣкахъ, преимущественно песчаныхъ. Будучи посажены въ пруды, размножаются и въ нихъ изобильно, особенно если вода довольно чиста (иногда живутъ и въ нечистой, что впрочемъ рѣдкость), но въ прудахъ они бываютъ мелки, а въ большихъ рѣкахъ необыкновенно крупны. Пескарей уже удятъ собственно для нихъ, и для многихъ охотниковъ это весьма пріятное уженье, ибо они

кдюють безпрестанно и очень вѣрно; ихъ
удять даже привязывая по двѣ и по три
удочки къ одной и той же лесѣ, и они бе-
рутъ вдругъ за всѣ за три. Для уженья упо-
требляется обыкновенный навозный червякъ;
среднія удочки всего удобнѣе.

Въ продолженіе моего рыбачьяго поприща
я замѣтилъ въ уженьѣ пескарей неизъясни-
мую странность: въ рѣкахъ они кдюють на
удочку необыкновенно жадно; въ большихъ
непроточныхъ прудахъ уже берутъ не такъ
хорошо; а въ маленькихъ сажелкахъ не бе-
рутъ почти вовсе, хотя бы и водились въ
нихъ во множествѣ; еще странность: въ по-
слѣднихъ они берутъ иногда на хлѣбъ, а въ
рѣкахъ никогда. Мнѣ много случалось удить
въ копаныхъ прудахъ, гдѣ водились только
караси и пескари, и я много разъ имѣлъ
случай видѣть, какъ крючки съ червяками
лежатъ спокойно на днѣ, или мотаются между
стаями пескарей, не обращая на себя ихъ
вниманія (при чемъ не рѣдко выуживалъ
пескарей, задѣвая ихъ снаружи за бокъ), то-
та какъ крючокъ, насаженный кусочкомъ
хлѣба, едва коснется дна, то сейчасъ бе-
гаетъ ими окруженъ. Пескари до тѣхъ поръ

его потрогиваютъ, поталкиваютъ, треплютъ, щиплютъ и сосутъ, пока онъ свалится съ крючка; если крючокъ очень малъ, то иногда случается и выудить пескаря. Такими продолжками они ужасно мнѣ надоѣдали: ибо сами не клюютъ настоящимъ образомъ, а карасямъ мѣшаютъ. Ужение пескарей начинается весной, какъ скоро вода сдѣлается свѣтла, и продолжается до самой зимы. Они клюютъ во всякое время дня. Обыкновенно удятъ ихъ въ рѣкахъ на перекатахъ, мѣстахъ мелкихъ, песчаныхъ, хрящеватыхъ, гдѣ вода течетъ довольно быстро и гдѣ можно увидеть ихъ стаи, лежащія на днѣ. Ужение устраивается тремя способами: 1) Можно удить съ наплавкомъ и умеренно тяжелымъ грузиломъ, пуская такъ глубоко, чтобы грузило было на вѣсу, а крючокъ тащился по дну. Это хорошо при умеренной быстротѣ теченія. 2) Можно удить безъ наплавка съ грузиломъ очень тяжелымъ, находящимся въ разстояніи двухъ и даже трехъ четвертей отъ крючка: грузило ляжетъ на дно, а леса съ червякомъ будетъ извиваться по теченію воды. Этотъ способъ наилучшій, особенно на сильныхъ быстринахъ. 3) Можно удить вовсе безъ грузила, съ на-

плавкомъ, а лучше безъ наплавка, пусть во
 несетъ крючокъ съ червячкомъ по своему пр
 изволу; по быстротѣ теченія, онъ не вдру
 коснется дна; но при его приближеніи песка
 проворно поднимаются къ верху и хватаю
 крючокъ. Нигдѣ я не уживаль пескаря
 въ такомъ множествѣ и такихъ крупныхъ, какъ
 въ Москвѣ-рѣкѣ.

Пескарь беретъ живо и вѣрно; его подерж
 ка и утаскиванье видны по наплавку и слыш
 ны по рукѣ; надобно подсѣкать его проворн
 разумѣется, должно удить на одну удочку
 всегда держать удилице въ рукѣ. Онъ сл
 жить превосходною насадкою для хищн
 рыбы и самою здоровою пищею для человек
 Уха изъ пескарей, какъ не жирная и легка
 обыкновенно предписывается докторами бол
 нымъ своимъ; пескари, жареные въ сметанѣ
 отлично вкусны.

5.

УКЛЕЙКА.

Я уже сказалъ, что верховка на нее совер
 шенно похожа: также плоска, тонка, синеват
 серебристаго цвѣта и бѣлоглаза; по этимъ-

двумъ послѣднимъ качествамъ называютъ ее въ Оренбургской губерніи *синтявкой* и *бѣлоглазкой*. Я никогда не видывалъ уклеики длиннѣе четверти и шире вершка. Отчего около Москвы называютъ ее *уклейкой*, добраться я никакъ не умѣю. Она водится въ большомъ количествѣ во всѣхъ чистыхъ водахъ, особенно въ рѣкахъ. Когда вы стоите надъ синею глубиоу рѣчнаго омута, или озера, и солнце сзади освѣщаетъ поверхность воды, то непременно увидите на довольно значительной глубинѣ сверканье серебряныхъ полосъ кругловатыми линіями въ разныхъ направленіяхъ, пронзающихъ воду—это уклеики.

Рѣдко случается, чтобъ охотникъ занимался ея ужевьемъ; но что бы вы ни удили, только бы крючокъ былъ насаженъ навознымъ червякомъ, уклеика не оставитъ схватить его, испортить, или попасть на удочку при первомъ его погруженіи въ воду: разумѣется тамъ, гдѣ ее очень много. Если же червякъ дойдетъ благополучно до дна, то она уже его мало трогаетъ. Уклеика очень надобдаетъ тѣмъ, что портитъ насадку червя, совсѣмъ не для нее назначаемую, впрочемъ, она бросается только на меньшаго червя. Если кому угод-

но ее удить, то надобно употреблять маме
 кія удочки, наплавокъ пускать очень ме
 съ крошечнымъ грузиломъ, или даже б
 грузила; всего охотнѣе и вѣрнѣе беретъ
 на мушку; на червяка съ хвостикомъ так
 клюетъ хорошо, но не такъ вѣрно, пот
 что часто хватаетъ только за свѣсивш
 половину червяка; безъ хвостика же клю
 не такъ охотно, а на хлѣбъ еще неохот
 Клевъ ея быстръ; она налетаетъ съ разб
 и вдругъ утаскиваетъ наплавокъ въ сторо
 иногда погружая его и въ воду, а если о
 попадетъ на крючокъ, что бываетъ не рѣ
 то натянетъ лесу и дернетъ даже за удили
 если вы не вдругъ подсѣчете. Для нея н
 особенныхъ мѣстъ: она держится по всей
 къ, но я замѣчалъ ее въ большемъ кол
 ствѣ въ мѣстахъ глубокихъ и тихихъ. Укл
 ка пригодна для насадки на всякую хищ
 рыбу, даже и на крупную, которую она
 жетъ приманить издали, кидаясь на крю
 съ необыкновенною быстротою во всѣ сторо
 сверкая блестящей бѣлизной своей. Укле
 никогда не бываетъ жирна, и потому не у
 трбуется для уха, но изжареная въ с
 танъ и высушенная — а еще лучше копчен

какъ наша сельдь — очень хороша. Вообще вкусъ ея пріятнѣе, чѣмъ мелкой плотицы.

6.

ЕЛЕЦЪ.

Рыба, неизвѣстная въ низовыхъ губерніяхъ, можетъ быть такъ названа потому, что впервые появилась въ извѣстной рѣкѣ *Ельць*, на которой стоитъ городъ Елецъ. Блестящей серебряной чешуей своей она сходна съ уклейкой, но она бѣлѣе, неплоска, а брусковата; похожа складомъ на головля. Длинною бываетъ четверти въ полторы, а толщиною пальца въ два, глаза, перья и хвостъ какого-то неопредѣленнаго сѣровато-сизаго цвѣта. Вообще эта рыбка очень живая и красивая. Елецъ водится довольно изобильно во всѣхъ рѣкахъ Московской губерніи, также въ проточныхъ прудахъ и озерахъ, заливаемыхъ рѣчною весеннею водою, но въ небольшихъ, копаныхъ, нечистыхъ прудахъ жить не можетъ. Онъ также, какъ и уклейка, очень проворенъ въ своихъ движеніяхъ, но шире и ярче сверкаетъ въ глубинѣ; беретъ по большой части со дна и охотнѣе держится на мѣстахъ не-

глубокихъ, быстрыхъ, хрящеватыхъ и камнистыхъ. Клюетъ довольно вѣрно; если дно, то сначала ведетъ наплавокъ, не погружая: въ это время должно подсѣкать ельцу, если же насадка не касается дна, то беретъ живо и совсѣмъ утаскиваетъ наплавокъ. Удиль его надобно на навознаго червяка, но крупнее берутъ охотнѣе на землянаго большаго червяка. Говорятъ, что елецъ клюетъ и на хлѣбъ, мнѣ никогда не случилось выудить ельца на хлѣбную насадку. Въ позднюю осень ельцы любятъ играть на солнцѣ и въ это время надобно удить ихъ, навязывая наплавокъ очень мелко, спуская его иногда до самаго поводка. Средней величины ельцы пригодны для насадки на щукъ и большихъ налимовъ. Вкусъ ельца составляетъ нѣчто среднее между щукой и уклейкой, слѣдовательно имѣетъ много достоинства.

7.

ЕРШЪ.

Имя ерша очевидно происходитъ отъ его наружности: вся его спина, почти отъ головы и до хвоста вооружена острыми, крѣпкими

иглами, соединенными между собой тонкою, пестрою перепонкой; щеки, покрывающія его жабры, имѣютъ также по одной острой иглѣ, и когда вытацишь его изъ воды, то онъ имѣетъ способность такъ растопырить свои жабры, такъ взъерошить свой спинной гребень и загнуть хвостъ, что названіе ерша, вѣроятно, было ему дано въ ту же минуту, какъ только въ первый разъ его увидѣлъ человекъ. Русской народъ любитъ ерша; его именемъ, какъ прилагательнымъ, называетъ онъ всякаго невзрачнаго, задорнаго человека, который сердится, топорщится, ершится. Про ерша сочинилъ онъ, вѣроятно всѣмъ извѣстную, цѣлую сказку съ лубочными картинками своенародной фантазіи и съ забавными созвучіями иногда, вмѣсто рѣчѣ. По моему, ершь — лучшая рыбка изъ всѣхъ, не достигающихъ большаго роста. Складомъ своимъ онъ совершенно сходенъ съ окунемъ, хотя никогда не питается рыбой. Въ рѣкахъ средней полосы Россіи онъ не бываетъ и четырехъ вершковъ длины, но въ Петербургѣ, въ устьѣ Невы, ловятся ерши необыкновенной величины: я самъ видалъ ихъ въ пять вершковъ длиною. Слыхалъ также объ огромныхъ

Сибирскихъ ершахъ. Ершь имѣеть необыкновенно большіе, на выкатъ темносиніе глаза отъ самой головы, какъ я уже сказалъ, иде у него жесткій гребень, почти въ вершю вышиною, который онъ можетъ подымать опускать; онъ оканчивается, не доходя пале на два до хвоста, но и это мѣсто занято имъ другимъ небольшимъ гребешкомъ, умягкимъ, похожимъ на обыкновенное плавниное рыбье перо; ершь колетса, какъ оку если взять его неосторожно; онъ весь стрый, кромъ брюшка, но пестрины какого темнаго, неопредѣленнаго цвѣта; онъ весь состоитъ зеленовато-золотистымъ лоскомъ, особенно щеки; кожа его покрыта густою slime въ такомъ изобиліи, что ершь превосходитъ въ этомъ отношеніи линя и налима. Хвостъ и верхнія перья пестроваты, нижнія пестро-бѣловато-сѣрыя. Ерши водятся только въ чистыхъ водахъ, и въ большомъ количествѣ въ рѣкахъ песчаныхъ или глинистыхъ, такъ и въ озерахъ, заливаемыхъ полою весной водою. Гдѣ ершей много и они крупны, то уженъе ихъ необыкновенно изобильно и известно; клюють только на краснаго навознаго червяка и хотя не такъ охотно, на земляныя

червей; разумѣется, для этого надобно отбирать самыхъ мелкихъ; удочки употребляются среднія. Ерши гораздо жаднѣе клюютъ со дна, чѣмъ на вѣсу, и потому въ такомъ только случаѣ не должно удить со дна, если оно травянисто, или имѣеть задѣвы.

Ерши не такъ рано весною начинаютъ клевать, но зато перестаютъ въ концѣ поздней осени. Если вы нападете на станичку, можете перерудить большую ихъ часть: насаживать можно червяковъ съ хвостами и безъ хвостовъ, но первое всегда лучше. Ерши берутъ и заклевываютъ вѣрно, безъ обмана, и почти всегда погружаютъ наплавокъ въ воду, но иногда ведутъ въ сторону; не рѣдко, вынимая просто удочку, вытаскиваете ерша, который держалъ крючокъ во рту. Я нигдѣ не находилъ ершей въ такомъ множествѣ, какъ въ поемныхъ озерахъ около Москвы-рѣки; тамъ можно было ихъ выудить сколько угодно: двѣсти, триста и болѣе, за то крупные попадались рѣдко. Ершей не употребляютъ для насадки, вѣроятно, по причинѣ ихъ острыхъ вооруженій, которыя не нравятся хищнымъ рыбамъ, но для человека ершъ составляетъ превосходную добычу. Уха изъ ершей самая здоровая, пита-

тельная и вкусная пища, но всего лучше — особенно если крупны, — приготовлена на холодное подъ желе, которое бывает обыкновенно густо. По моему мнѣнію, не можетъ сравниться съ деликатнѣйшимъ вкусомъ этого блюда.

Теперь я поговорю о тѣхъ рыбахъ, и рья, родясь такими же крошками, какъ коихъ я уже описалъ, достигаютъ бол величины.

8.

ПЛОТИЦА.

Очевидно получила свое имя отъ того, она плоска. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ называютъ *сорога*, или *сорожнякъ*; происденіе этого названія объяснить не умью. сомнѣнія это самая плодовитая и многочисленная порода рыбы. Въ рѣкахъ больш и малыхъ, озерахъ, прудахъ проточныхъ копаныхъ, если только вода довольно св однимъ словомъ сказать, вездѣ водится во множествѣ. Это такъ ее опошлито, рыбаки совершенно ее не уважаютъ. Тогда получаетъ она нѣкоторую значит

ность, когда начинаетъ вѣсить болѣе фунта. Я самъ видалъ плотицу въ четыре фунта, но старые рыбаки рассказывали мнѣ въ Оренбургской губерніи, что въ старину попадалась плотва въ семь фунтовъ. Плотица нѣсколько широка, плоска, чисто серебристаго цвѣта, который къ спинкѣ становится темнѣе; глаза имѣетъ красные, и чѣмъ плотица больше, тѣмъ глаза становятся краснѣе; верхнія и нижнія перья темно-красноваты; чешуя довольно крупная. Съ увеличеніемъ роста, плотица становится шире и кругловатѣе; ротъ имѣетъ небольшой. Клевъ ея начинается съ самой ранней весны, даже тогда, когда полая вода не совсѣмъ слила и еще довольно мутна; однимъ словомъ, плотва первая открываетъ балъ и почти послѣдняя перестаетъ танцовать на удочкѣ. Она жадно бросается на всякую насадку: на обыкновеннаго навознаго червяка, крупная на землянаго, на хлѣбъ, на всякія распаренныя зерна, на раковыя шейки и на всякихъ насѣкомыхъ. Ее можно удить на всѣхъ мѣстахъ и на всякой глубинѣ; но крупная плотва клюетъ лучше и вѣрнѣе со дна, въ мѣстахъ глубокихъ и тихихъ, особенно на хлѣбъ: въ камышахъ же, полояхъ, въ мелкой водѣ она беретъ на двѣ четвертиаршина и

даже менѣе отъ поверхности воды. Въ водѣ гдѣ водится большая рыба и гдѣ рыбаки особенно имѣеть въ виду, плотва нестерпиво надоѣдаетъ: отъ ея дерганья и тасканья никакой защиты; одно спасенье: огромные куски хлѣба, самый крупный земляной червь не прорванный сальникъ и линючій ракъ цѣлости насаженный на крючокъ. Я помню въ дѣтствѣ моемъ, когда Оренбургская губернія была еще гораздо менѣе населена и въ ея кипѣли всякой рыбой, особенно плотвой какъ во множествѣ удили ея на кусочки хлеба, на шешекъ мелкихъ птичекъ, на травяные стебли и на всякую дрянь. Но презирать плотву тамъ, гдѣ много другой лучшей рыбы. Самому случалось жить въ такихъ мѣстахъ гдѣ я былъ радъ и порядочной плотичкѣ какъ это можетъ случиться и съ другимъ рыбакомъ, то и слѣдуетъ поговорить обстоятельнѣе объ ея уженьѣ. Клевъ плотвы безконечно разнообразенъ. Всего благонадежнѣе удить на кусочки хлѣба и на распаренныя пшечные зерна, но къ этому надобно ея приучить бросая прикормку состоящую изъ того и другого. Мнѣ попадались рѣчки, въ которыхъ плотва ни на что не брала, кромѣ червяка, и то съ

стомъ, а это клевъ самый невѣрный; не знаю, чѣмъ объяснить такую странность: непривычкой ли къ хлѣбу и зерну, или изобиліемъ питательныхъ травъ и разныхъ водяныхъ насъкомыхъ? Крупная плотва особенно любитъ брать рано утромъ; надобно стараться приучить ее клевать со дна; тутъ она утаскиваетъ и погружаетъ наплавокъ въ воду, а потому подсѣкать ее не трудно, и только тутъ можно удить на двѣ удочки; если же вы удите на вѣсу, то надобно подсѣкать ту же минуту, какъ скоро она потащитъ наплавокъ, или начнетъ его погружать; плотва средняя, и особенно мелкая, рѣдко беретъ вѣрно: вниманіе, смѣтка, быстрота и ловкость подсѣчки тутъ необходимы. Удилище должно держать въ рукѣ. Нечего на это смотрѣть, что много будетъ промаховъ, за то много будетъ и рыбы. На мѣстахъ, гдѣ недавно опущенъ мѣшокъ съ прикормкой, плотва очень привыкаетъ кушать распаренныя зерна и беретъ на нихъ безъ обмана. Тутъ можно ее наудить сколько угодно, насаживая на маленькую удочку одно, или два зерна разбухшей въ горячей водѣ пшеницы, и всякій разъ пробуя — свободно ли выходитъ наружу жало крючка; впрочемъ, самая круп-

ная плотва скорѣе возметь на куски умяты хлѣба, величиною въ русской, небольшорьхъ. Для насадки червей надобно употребить среднія удочки. Мелкая плотва можетъ служить насадкой для хищной рыбы. Уха изъ нея не вкусна и часто пахнетъ травой; луче ее жарить въ сметанѣ и сушить.

9.

КРАСНОПЕРКА.

Рыбаки называютъ ее *плотица-красноперка* и такъ, по видимому, не слѣдовало бы говорить о ней, какъ особой породѣ рыбы, но нахожу въ нихъ существенное различіе, различія цвѣта, которое, хотя не такъ ярко встрѣчается и у другихъ рыбъ одной и той же породы. Красноперка гораздо шире обыкновенной плотицы; кругловатой своей фигурой и складомъ совершенно похожа на *подлецицу*; покрыта чешуей желто-золотистаго блестящаго цвѣта; края этой чешуи, какъ будто оторочены золотисто-коричневою каёмочкой: спинкѣ гуще, а къ брюшку блѣднѣе; перья особенно нижнія, яркаго краснаго цвѣта, отъ чего она и получила свое имя; глаза коричневыя; все это вмѣстѣ дѣлаетъ ее одною

самыхъ красивыхъ рыбъ. Красноперка, вѣроятно, можетъ достигать такой же величины и такого же возраста, какъ и простая плотца. Одинъ разъ, при мнѣ, выудилъ рыбакъ красноперку на раковую шейку въ три съ половиною фунта; она была такъ красива, что мы долго любовались ею. Не вездѣ, гдѣ водится обыкновенная плотва, водится и красноперка; около Москвы никто про нее и не слыхивалъ, да и въ Оренбургской губерніи, во многихъ рѣкахъ и озерахъ, изобилующихъ всѣми породами рыбъ, въ томъ числѣ и плотвой, нѣтъ ни одной красноперки, тогда, какъ въ другихъ, она водится во множествѣ; клевъ ея совершенно отличенъ отъ клева плотцы: она не теребитъ, не рветъ, не таскаетъ крючка, схвативъ за кончикъ червяка; красноперка или вовсе не беретъ, или беретъ вѣрно. Очень рѣдко выудишь ее въ рѣкѣ; но въ концѣ лѣта и въ началѣ осени, удятъ ее съ лодки въ большомъ количествѣ въ поляхъ, между травами и особенно на чистыхъ мѣстахъ между камышами, также и въ озерахъ, весной заливаемыхъ тою же рѣкою; тутъ беретъ она очень хорошо на краснаго навознаго червяка, и еще лучше на распаренную пшеницу (на мѣстѣ

прикормленномъ); на хлѣбъ клюетъ не такъ охотно, но къ концу осени сваливается она въ глубокія мѣста материка, особенно около плотины, плотины и вешняка, и держится до сильныхъ морозовъ; здѣсь она беретъ на хлѣбъ маленькіе кусочки свѣжей рыбы: обыкновенно употребляютъ для этого тутъ же пойманную плотичку, или другую мелкую рыбку; ужь одно свойство совершенно отличаетъ ее отъ обыкновенной плотвы. Мелкая красноперка очень хороша для насадки на хищную рыбу потому что живуща и не скоро утомляется, ходя на большомъ крючкѣ. Вкусомъ не отличается отъ обыкновенной плотвы. Для ужения на зерна, употребляются маленькія, а для червей и кусочковъ рыбы среднія удочки. Красноперка необыкновенно-красивой наружности, потому что водится не вездѣ и клюетъ не всегда, да и появляется во множествѣ не всякій годъ. Ужение красноперки несравненно выше ужения плотвы.

10.

Я З Ъ.

Не умѣю опредѣлить, откуда происходитъ названіе. Язь, такъ сказать, уже капитальная рыба и занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ

уженьъ крупной рыбы, настоящимъ охотничьемъ
уженьемъ, которое преимущественно привлекаетъ
истиннаго рыбака. Тотъ уже не охотникъ, кто
закидываетъ маленькую удочку на мелкую
рыбу тамъ, гдѣ клюетъ крупная: лучше пра-
сидѣть, или простоять нѣсколько часовъ, ни-
чего не выудивъ, глядя на неподвижные на-
плавки, но ежеминутно ожидая богатой добы-
чи, чѣмъ приняться за тасканье дрянныхъ
плотичекъ и, можетъ быть, отогнать этимъ
большихъ рыбъ. Язи какъ-то рѣдко попада-
ются въ маломъ видѣ; по большой части они
начинаютъ брать на удочку, достигнувъ поря-
дочной величины, впрочемъ это замѣчаніе не
вездѣ вѣрно. Около Москвы, небольшихъ язей,
фунтовъ до двухъ, называютъ *подъязыками*,
но въ другихъ мѣстахъ Россіи я не слыжи-
валъ такого подраздѣленія. Язи около четы-
рехъ фунтовъ попадаютъ всего чаще, но
бываютъ и въ девять фунтовъ. Самый боль-
шой язь, котораго мнѣ удалось выудить,
вѣсилъ около семи фунтовъ. Язь довольно
широкъ, но уже не кругловатъ и ровнѣе
плотицы; иногда достигаетъ трехъ четвер-
тей длины и двухъ вершковъ толщины, ра-
зумѣется въ спинѣ; хвостъ и нижнія перья

имѣеть красныя, а верхнія — сизыя; глаза свѣтлокорицевые, покрыты чешуей, которая около спины крупнѣе и темнѣе, по большей части серебристаго цвѣта, но попадаются изрѣдка язи, въ одной и той же рѣкѣ, желтовато-золотистые. Они водятся только въ водахъ чистыхъ рѣкахъ, проточныхъ прудахъ и большихъ озерахъ. Язи легко привыкають къ прикормкѣ, особенно постоянной, и только при этомъ условіи можно выудить много крупныхъ язей въ одно утро, на одномъ и томъ же мѣстѣ. Подъ словомъ *много*, я разумѣю какой-нибудь десятокъ. Съ начала весны язи охотно берутъ на куски умятаго хлѣба, величиною съ не-большой грецкій орѣхъ, потомъ на крупныхъ земляныхъ и на кучу навозныхъ червей, или глисть, также на раковыя шейки; въ срединѣ лѣта — на линючихъ раковъ и на большаго бѣлаго червя (сальника), также на кобылокъ, а осенью язи почти не берутъ, если и возметъ какой-нибудь шалунъ, то уже не на большую насадку и удочку, а на маленькую, мелко пущенную и насаженную на пшеничку, муху, или тому подобную дрянъ. Одного изъ самыхъ крупныхъ язей я выудилъ на большаго зеленоватаго комара, особенной

породы, на крошечную удочку: за то я водилъ его около часа. Настоящій клевъ язей—со дна; для ужения употребляются крючки большіе, если велика насадка, и средніе, если она мала. По слитіи покой воды, вслѣдъ за плотицей, сей часъ начинаютъ брать язи; самый лучшій клевъ ихъ, по замѣчанію рыбаковъ, бываетъ въ то время, когда цвѣтетъ калина. Если вы удите безъ прикормки, на ходу рыбы, то надобно, выбравъ узкое мѣсто рѣки, одну удочку закинуть на середину, другую поближе, а третью у берега; если же удите на прикормленномъ и отлогомъ мѣстѣ, то выгоднѣе класть всѣ наплавки около травы, поближе къ берегу, а удилица на траву. Безъ всякаго сомнѣнія, самое драгоцѣнное, въ обоихъ случаяхъ, время для ужения язей—раннее утро. Тутъ они берутъ за долго до восхожденія солнца: такъ, что только сидя лицомъ къ зарѣ, и то наклонясь къ землѣ, можно различить наплавки. Только истинный охотникъ можетъ вполне оцѣнить всю прелесть этого равняго ужения... При торжественной тишинѣ, бѣлѣетъ востокъ и гонитъ на юго-западъ ночную темноту, предметы выступаютъ изъ мрака, ясныются; но камыши стоятъ

еще неподвижны, и поверхность водъ не дымитя легкимъ паромъ, еще долго до солнца... Вдругъ начинаете вы слышать, сначала издали, бульканье поднимающихся со дна пузырей: это воздухъ, выпускаемый чрезъ ноздри крупной рыбою.... Это вѣрный знакъ, что идутъ язи.... Пузыри выскакиваютъ ближе, вы уже ихъ видите.... Сейчасъ начнется клевъ... Язь беретъ вѣрно и прямо утаскиваетъ наплавокъ въ воду; подсѣчка должна быть скорая, рѣшительная, но не слишкомъ крѣпкая и не порывистая. Язь одна изъ сильныхъ рыбъ и на удочкѣ ходитъ очень бойко. Надобно, осторожно утомивъ напередъ, выводить его на поверхность воды, и наблюдать, чтобы круги, которые онъ станетъ давать, были не слишкомъ широки: иначе ему будетъ легко, бросившись въ сторону, натянуть лесу и оборвать. Большие язи бываютъ очень жирны и уха изъ нихъ довольно вкусна, но всего лучше приготовить ихъ на холодное подъ соусомъ съ сметаной и хреномъ; жаль только, что язь очень костливъ. Наибольшую часть крупной рыбы выуженной мной въ теченіе всего рыболовнаго моего поприща, составляютъ язи рѣка Бугурусланъ, на которой я выросъ

изобиловала въ то время преимущественно язями; головы переводились, а лещи не заводились. И такъ большіе язи были вожаденной добычей рыбака. Да и какъ славно брали они тогда на хлѣбъ, безъ всякой прикормки, по всей рѣкѣ, безъ исключенія! Только бывало и слышишь о порванныхъ лѣсахъ, разогнувшихся, переломленныхъ крючкахъ и удилицахъ. Разумѣется, язей таскали черезъ голову, какъ плотичекъ, и такъ, мудрено ли, что выуживали четвертую часть, изъ числа попадавшихся?...

11.

ГОЛОВЛЯ.

Хотя очевидно, что имя его происходитъ отъ большой головы, но она у него совсѣмъ не такъ велика, а если и кажется большей величины, чѣмъ у другихъ рыбъ, то единственно отъ того, что лобъ у головля очень широкъ и какъ-то сливается съ его брусковатымъ станомъ. Онъ не такъ широкъ, какъ язь, длиннѣе его и гораздо толще въ спинѣ. По увѣренію многихъ рыбаковъ, достигаетъ до аршинной длины и до четырнадцати фунтовъ вѣсу; самъ же я не видывалъ головля болѣе девяти

фунтовъ. Онъ гораздо красивѣе язя: чешуя крупнѣе и серебристѣе, а каждая чешуйка краемъ отънѣна тонкою, блестящею, коричневою коемкой. Ротъ имѣетъ довольно большой и глаза темные; нижнія перья красныя, а верхнія, особенно хвостъ, темносизаго цвѣта. Такъ, что когда въ полдневный пригревъ солнца рыба подымется со дна на поверхность воды, то сейчасъ отличишь голубей по темно-синимъ, чернымъ почти хвостамъ. Головлъ любитъ воду чистую и свежую, водится даже въ такой холодной водѣ въ которой язь не можетъ держаться, такъ что въ рѣкахъ всегда появляется вслѣдъ за породами форели. Даже не знаю, живетъ ли онъ въ большихъ озерахъ, но въ проточныхъ, рѣчныхъ прудахъ размножается обильно; исключительно держится на песчаныхъ и хрящеватыхъ мѣстахъ, даже каменистыхъ; въ полояхъ голубль рѣдкость: рѣка, мѣтерикъ въ прудъ, вотъ его мѣсто. Онъ необычайно быстръ въ своихъ движеніяхъ, чешуя способствуетъ складъ его стана, который нѣсколько похожъ на щуку. Не такъ легко прикармливается хлѣбными зернами и, вообще, осторожнѣе язя, но иногда беретъ

хлѣбъ; лучше любить червей и особенно сальника, раковыя шейки и цѣлыхъ линючихъ раковъ; самыя большіе головы берутъ на рыбку предпочтительно ночью, для чего и ставятъ на нихъ осенью, когда сдѣлается холоднѣе, крючки, насаженные пескарями, уклейками и плотичками. Я уже упомянулъ объ уженѣ головлей лѣтомъ, по ночамъ, съ лодки, на длинныя лѣсы. Крупный головль, большею частію, беретъ со дна; клевъ его необыкновенно быстръ, и онъ почти всегда самъ себя подсѣкаетъ и потомъ стремительно выскакиваетъ наружу, мечется на удочкѣ, какъ бѣшеный, и выпрыгиваетъ иногда весь изъ воды. Рыбакъ долженъ стараться предупредить всѣ эти опасныя продѣлки, и угадавъ по быстротѣ движеній, что у него взялъ головль, не пускать его со дна наружу, пока онъ не утомится и не присмирѣетъ, иногда погружая для этого конецъ удилица въ воду. Нѣтъ рыбы его сильнѣе, бойчѣе, быстрѣе, неутомимѣе. Огромный головль на удочкѣ — великолѣпное зрѣлище! Самый опытный искусный рыбакъ равнодушно смотритъ на его быстрые, какъ молнія, неусмиряющіеся прыжки, и тогда только успокоится, когда

подхватить сачкомъ. Головлей удятъ и безъ грузила и наплавка, на наплавную удочку насаживая на крючокъ муху, или маленькаго червяка; это ужение производится на быстрыхъ теченіяхъ рѣки; попадаются преимущественно средніе головлики и рѣдко крупныя; впрочемъ большаго головля на такомъ лесу почти невозможно выудить. Хотя онъ сходенъ вкусомъ съ яземъ, но какъ-то чище и деликатнѣе. Ужение большихъ головлей я считаю первокласнымъ ужениемъ, какъ по осторожности, необыкновенной быстротѣ и бойкости ихъ, такъ и потому, что они берутъ рѣдко: поймать двухъ, трехъ крупныхъ головлей въ одно утро—богатая, даже великолѣпная добыча. Но отъ чего такъ рѣдко берутъ большіе головли, тогда, какъ, вѣроятно, каждому охотнику случалось видать ихъ гораздо болѣе, чѣмъ другой крупной рыбы. Этого разрѣшить я никакъ не могу. Головли всегда и вездѣ приводили меня въ отчаяніе на рѣкахъ Оренбургской, Симбирской, Пензенской и Московской губерній. Всего обильнѣе видѣть ихъ, иногда гуляющихъ стадами въ полдень, по самой поверхности воды, иногда лежащихъ на каменистомъ, неглубокомъ

днѣ рѣчнаго, какъ стекло прозрачнаго переката! Подъ самый ротъ подводишь имъ всѣ любимыя насадки: раковъ, огромныхъ земляныхъ червей, жирнаго сальника, пескаря — все понапрасну! Точно и не видятъ! Иногда вдругъ одинъ подойдетъ, какъ будто понюхаетъ (и займется духъ отъ ожиданія у охотника), толкнетъ рыломъ вашу насадку и отойдетъ прочь! Иногда случалось, что кусокъ опустится прямо на головля, лежащаго на днѣ, и что же? отодвинется немножко въ сторону и ляжетъ опять на песокъ, пошевеливая, какъ кормовымъ весломъ, чернымъ хвостомъ своимъ. Рыбаки обыкновенно объясняютъ это тѣмъ, что головли видятъ охотника и не берутъ изъ осторожности. Но Богъ знаетъ, справедливо ли это объясненіе: осторожная, пугливая рыба, увидавъ какую бы то ни было движущуюся фигуру, можетъ уплыть прочь, спрятаться—это понятно; но дальнѣйшихъ соображеній осторожности я не признаю; почему же головли берутъ рѣдко и въ глубокихъ мѣстахъ, въ водѣ непрозрачной, гдѣ рыбака рѣшительно не видно? Нѣтъ, тутъ должны быть другія причины, которыхъ мы не знаемъ. Говоря о головль, счи-

таю не лишнимъ разсказать случай, служащій доказательствомъ, что никогда не должно брать рукою за лесу, вытаскивая большую рыбу, о чемъ я упомянулъ выше. Удилище одинъ разъ, послѣ обѣда, рано весною, на берегу большаго пруда (то есть въ материковомъ заросшаго камышами. Я стоялъ на узкомъ островкѣ: такъ назывался мысъ, залитый водой съ трехъ сторонъ водою. Крупная рыба еще не начинала брать. Три мои большія удочки лежали неподвижно; наконецъ тронуло на берегу благо червя (сальника); два раза стаскивало въ третій разъ я какъ-то ловко подсѣкаю и вытаскиваю головлика. Видя, что крупная рыба не беретъ, я откинулъ большую удочку, взялъ среднюю, въ 6 волосковъ, насадилъ маленькаго сальника съ простыми глистами и закинулъ. Не успѣлъ я положить удилыше, какъ наплавокъ исчезъ..... подсѣкаю — огромная рыба!... Гибкое удилице согнулось, кольцо до самой руки. Сначала, по быстрымъ прямолинейныхъ движеній, я подумалъ, что это щука; но рыба не замедлила меня раздобрить: огромный головль, какого я ни прежде ни послѣ не видывалъ, вылетѣлъ изъ поверхности воды и началъ свои отчаянныя

прыжки.... Тонкая леса моя была такъ крѣпка, удилице такъ гнучко, я водилъ такъ осторожно, что черезъ полчаса головль утомился. Я подвелъ его къ берегу, чтобъ подхватить сачкомъ, но сачокъ былъ *малъ и мелокъ*, рыба въ немъ неумѣщалась. Между тѣмъ вдругъ головль сдѣлалъ отчаянный прыжокъ и выскочилъ на густую осоку, которая свѣсилась съ берега и была поднята подтопившею его водою: стоило только осторожно взять головля рукой, или накрыть его сачкомъ и вытащить на берегъ; но я, столь благоразумный, терпѣливый, можно сказать, искусный рыбакъ, соблазнился тѣмъ, что рыба лежитъ почти на берегу, что надобно протащить ее всего какую-нибудь четверть аршина до безопаснаго мѣста, схватилъ за лесу рукою и только натянулъ ее, головль взметнулся, какъ бѣшеный, леса порвалась и онъ перевалился въ воду.... Я потерялъ такую драгоценную для охотника, въ столь раннее весеннее время, добычу, что буквально былъ въ отчаяніи, да и до сихъ поръ не могу вспомнить этой потери равнодушно.

ЛЕЩЪ.

Опредѣлить съ точностью происхожденіе его имени довольно трудно. Легко быть можетъ, что слова *лещедь*, *лещедка* произошли отъ одного корня съ именемъ *леща*, то есть, отъ глагола *лощить*, ибо у широкой и плоской лещеди есть съ нимъ нѣкоторое подобіе; лещедкой же называется расколотый пенекъ дерева, или сучка, въ который вщемляется все то, что надобно придавить, сдѣлать плоскимъ. Круглой, плоской, широкой своей фигурой лещъ отличается отъ всѣхъ другихъ рыбъ; голова у него небольшая, особенно кажется такою по ширинѣ склада; ротъ еще меньше относительно величины всего тѣла. Лещи бываютъ огромной величины и въсу: достигаютъ аршинной длины, двухъ съ половиною вершковъ ширины и въ то же время до двухъ вершковъ толщины въ спинѣ. Я отъ многихъ слыхалъ, что лещи попадаются въ осмнадцать фунтовъ, но самъ не видалъ больше двѣнадцати фунтовъ. Они бываютъ желтовато-золотистаго и сѣровато-серебристаго цвѣта, но первые рѣдки; брюхо бѣлое. Чешуя на нихъ крупная, хвостъ и перья сизые и

очень небольшіе, глаза бѣлые съ темными зрачками. Фигура леща непріятна, она представляетъ что-то уродливое. Онъ не сноситъ воды холодной и появляется въ рѣкахъ послѣ всѣхъ рыбъ; преимущественно водится во множествѣ въ рѣкахъ тихихъ, глубокихъ, тинистыхъ, имѣющихъ много плесъ и заливовъ; особенно любитъ большіе пруды и озера. Я помню, что въ рѣкѣ Бугурусланъ Оренбургской губерніи, когда она была еще мало заселена, сначала водилось много головлей и мало язей; потомъ развелось множество язей, а головлей стало мало; лещи же, сколько ихъ не пускали въ прудъ, никакъ не разводились, хотя версть двадцать ниже, гдѣ наша рѣка впадаетъ въ другую, лещей было довольно. Теперь же и въ прудъ Бугуруслана и по всей рѣкѣ лещей развелось множество. Очевидно, что прозрачная и необыкновенно холодная вода рѣки, отъ многихъ мельницъ и новыхъ поселеній постепенно дѣлалась мутнѣе и теплѣе, такъ что наконецъ стали въ ней держаться лещи. Эта переменна произошла въ теченіе сорока лѣтъ. Небольшіе лещи называются *подлещиками*. Весной, едва рѣки начнутъ входить въ берега и вода проясняться,—какъ

начинается самый жадный клевъ лещей. Они берутъ на червяка навознаго и землянаго, но всего охотнѣе на перваго. Впрочемъ ихъ можно прикормить хлѣбомъ и распаренными зернами: они хорошо берутъ на размоченный горохъ. Для ужения, если оно производится въ рѣкахъ, избираются мѣста тихія и глубокия, всего лучше заводи и заливы. Въ прудахъ и озерахъ можно выбирать мѣсто, какое угодно, но, разумѣется, глубокое, имѣющее гладкое, покатое дно и удобный берегъ для вытаскиванія добычи. Въ нѣкоторыхъ водахъ они водятся въ такомъ изобиліи и съ весны клюютъ такъ охотно и вѣрно, что ихъ можно выудить невѣроятное количество. Я разумѣю лещей среднихъ: очень крупныя берутъ всегда рѣдко. Удить надобно со дна на двѣ и на три удочки; лещъ беретъ тихо и ведетъ наплавокъ, не вдругъ его погружая. Всегда успѣешь схватить удище и подсѣчь. Удочки лучше употреблять большія, насаживая по нѣскольку червяковъ навозныхъ, ибо лещъ беретъ безъ церемоніи на всякія крючки. Первые его порывы на удочкѣ бываютъ очень сильны, но онъ скоро утомляется и всплываетъ на верхъ; тутъ весьма удобно под-

вести его къ берегу, подхватить сачкомъ и даже просто взять рукою. Это я говорю объ лещахъ средней величины, то есть: около пяти фунтовъ. Но первыя движенія огромнаго леща, то есть фунтовъ около осьми, такъ порывисты и упорны, что надобно крѣпкую лесу, очень гнупкое удилище и много умѣнья и ловкости, чтобы выдержать ихъ благополучно. Вотъ для чего лучше употреблять удочки большаго разбора. Говорю это по разсказамъ, я самъ мало уживалъ лещей и не тяжеле пяти фунтовъ. Многіе охотники страстно любятъ весенній клевъ лещей, который продолжается недѣли двѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, чѣмъ рыба больше, тѣмъ лестнѣе ее выудить, а потому и огромные лещи, которые берутъ нечасто, представляютъ для охотника заманчивое уженье; но тасканье лещей, мелкихъ подлещиковъ и даже среднихъ, которые берутъ безпрестанно, до чрезвычайности вѣрно и однообразно, сейчасъ всплываютъ на верхъ, и неподвижные вытаскиваются на берегъ, какъ деревянные щепки, — по моему совсѣмъ не весело. Для меня гораздо пріятнѣе выудить леща, между многими другими рыбами, въ продолженіи лѣта и въ началѣ осени, когда

уже онъ беретъ рѣдко. Лещи бываютъ очень жирны, если хотите вкусны, но какъ-то грубоприторны, а большіе и жестки; впрочемъ, изрѣдка, можно поѣсть съ удовольствіемъ бокъ жаренаго леща, то есть, ребры, начиненныя кашей: остальные части его тѣла очень костливы.

13.

САЗАНЪ.

Производства его имени сдѣлать не умѣю: ужъ полно русское ли оно? Сазанъ очень красивая рыба, достигающая болѣе пудоваго вѣса. Прежде я и не слыхивалъ, чтобъ сазаны водились въ рѣкахъ средней величины. Въ Оренбургскую, Симбирскую и другія низовыя губерніи обыкновенно ихъ привозили зимою въ значительномъ количествѣ съ большихъ рѣкъ и преимущественно съ Урала, въ который набиваются они со взморья въ такомъ невѣроятномъ множествѣ, что оно можетъ показаться баснословнымъ. Но лѣтъ двадцать тому назадъ, въ рѣкѣ Свіягѣ, протекающей подъ самымъ Симбирскомъ, вдругъ появились сазаны; сначала средней величины и крупные, а впоследствии уже развелось и множество мелкихъ.

Не утверждаю за вѣрное, но мнѣ сказывали, что въ верховьѣ этой самой рѣки у какого-то помѣщика былъ огромный прудъ, не уходившій лѣтъ сорокъ, въ которомъ онъ развелъ сазановъ въ избыткѣ; но вдругъ этотъ прудъ прорвало, сазаны ушли и распространились по всей рѣкѣ. Какъ бы то ни было, но появленіе сазановъ открыло новое превосходное уженье для Симбирскихъ рыбаковъ-охотниковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ уже появились сазаны и въ другихъ небольшихъ рѣкахъ Симбирской и даже Пензенской губерніи. Мнѣ самому удалось выудить нѣсколько сазановъ отъ трехъ до четырехъ фунтовъ. Безъ сомнѣнія они бойчѣе на удочкѣ всякой другой рыбы. Сазанъ беретъ тихо и везетъ наплавокъ съ возрастающей скоростью, не вдругъ погружая его въ воду; но какъ скоро вы его подсѣчете, онъ бросается съ невѣроятною быстротой прямо отъ васъ, діагонально поднимаясь къ верху и вытягивая въ прямую линію лесу и удилище. Не зная этого ихъ маневра, я потерялъ нѣсколько сазановъ и крючковъ; довольно толстыя лесы въ одну минуту были порваны. Для уженья крупныхъ сазановъ употребляютъ удочки самага большаго размѣра и особенно

крѣпкія леси. Сазанъ клюетъ только на навознаго и землянаго червяка. Самый лучшій клевъ весною. Сазанъ покрытъ необыкновенно-крупною, темно-желто-золотистою чешуей: кажется, будто по золотому полю онъ весь усыпанъ гвоздиками съ темными шляпками, что напоминаетъ красивую чешую головаля. Онъ довольно широкъ, при первомъ взглядѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ карасемъ, но уже и длиннѣе его; около краевъ рта имѣетъ два толстые короткіе и мягкіе уса, оканчивающіеся кругловатыми и плоскими головками. Сазана я рѣшительно признаю за одну и ту же рыбу съ карпией по совершенному ихъ сходству во всемъ, хотя говорю о каждой особю. У большаго сазана мясо нѣсколько грубо, а мелкіе сазаны очень вкусны.

14.

КАРПЪ или КАРПІЯ.

Карпъ, имя иностранное, а карпія — передѣланное на русской ладъ. Говоря о сазанѣ, я уже сказалъ, что онъ и карпія одна и та же рыба, съ тою разницею, что карпія въ прудахъ не достигаетъ такой огромной ве-

личины, какъ сазаны, водящіяся въ большихъ рѣкахъ и особенно въ ихъ устьяхъ. Въ самой Москвѣ много водилось карпій въ разныхъ прудахъ, особенно въ Прѣсенскихъ и прудахъ Дворцоваго сада, который нынѣ принадлежитъ Кадетскому корпусу. Въ окрестностяхъ Москвы рѣдко найдешь хорошій прудъ, проточный, или непроточный, все равно, лишь бы довольно большой, въ которомъ бы не были разведены карпій. Въ прудахъ, долго нечищенныхъ и заглохшихъ тиной, карпій переводятся; нерѣдкодохнуть они въ прудахъ и отъ того, что въ продолженіе долгихъ зимъ не заботятся о достаточномъ количествѣ ежедневно прочищаемыхъ прорубей, отъ чего вода сдыхается и портится. Карпій охотно клюютъ на землянаго и навознаго червяка. На удочкѣ очень бойки и сильны, клюютъ больше со дна. Я не слыхивалъ, чтобъ около Москвы попадались карпій въ рѣкахъ; пойманныя же въ прудахъ часто пахнутъ тиной, если дно въ нихъ тинисто. Впрочемъ, ихъ можно также, какъ карасей, сажать въ прорѣзные сажелки, въ проточную свѣжую воду: онѣ скоро потеряютъ запахъ тины и получаютъ свой обыкновенный, пріятный вкусъ. Карпій, разводимыя

въ прудахъ, легко приучаются къ прикормкѣ въ назначенный часъ и въ назначенномъ мѣстѣ; если во время ихъ кормленія звонить постоянно въ колокольчикъ, то онъ такъ къ нему привыкнуть, что станутъ собираться на звонъ колокольчика даже и не въ урочное время. Въ Москвѣ есть еще люди, которые помнятъ эту продѣлку въ Нескучномъ саду, когда онъ принадлежалъ еще князю Шаховскому. Весьма недавно въ Прѣсенскихъ прудахъ водилось множество карпій довольно крупныхъ; народъ любилъ кормить ихъ калачами. Въ самомъ дѣлѣ, это было забавное зрѣлище: какъ скоро бросятъ калачъ въ воду, то нѣсколько изъ самыхъ крупныхъ карпій (а иногда и одна) схватятъ калачъ и погрузятъ его въ воду; но не имѣя возможности его откусить, скоро выпустятъ изо рта свою добычу, которая сейчасъ всплыветъ на поверхность воды; за нею немедленно явятся и карпии, уже въ большемъ количествѣ и съ большею жадностью и смѣлостью, схватываютъ калачъ со всѣхъ сторонъ, таскаютъ, дергаютъ, ныряютъ съ нимъ, и какъ скоро онъ немного размокнетъ, то разрываютъ на куски и проглатываютъ въ одну минуту. Всѣ эти продѣлки провожалъ

народъ громкими восклицаніями и хохотомъ. Мнѣ не удавалось удить много ни сазановъ, ни такъ называемыхъ карпій; но по разсказамъ охотниковъ, должно заключить, что это уженье, особенно въ рѣкахъ или огромныхъ прудахъ, очень пріятно, добычливо, и требуетъ въ то же время умѣнья, осторожности и сачка: ибо крупная карпія самая бойкая, сильная и неутомимая рыба.

15.

Л И Н Ъ.

Кажется имя его происходитъ отъ глагола *льнуть*, или глагола *линять*. Линь покрытъ липкой слизью: онъ льнетъ къ рукамъ, когда его возьмешь. Линь складомъ своего стана нѣсколько схожъ съ яземъ, только немного шире, толще его и какъ-то угловатѣе; онъ покрытъ мелкою чешуей темно-зеленаго, золоти-стаго цвѣта; весь какъ будто обмазанъ густою слизью; глаза имѣетъ маленькіе, ярко-красные; хвостъ и перья одноцвѣтные съ тѣломъ; ротъ небольшой. Линь достигаетъ значительной величины; увѣряютъ, что лини бываютъ въ четырнадцать фунтовъ вѣсомъ, но я не види-

валъ линя болѣе осьми фунтовъ. Надобно сказать, что я не совсѣмъ вѣрю большой величины и вѣсу многихъ рыбъ, о которыхъ рассказываютъ рыбаки и охотники; часто они судятъ по глазомѣру и по рукѣ, и очень ошибаются. Вотъ на примѣръ лини: сколько я ихъ переудилъ въ жизнь мою, сколько видѣлъ выуженныхъ другими, или пойманныхъ разными рыболовными снастями; какъ бы мнѣ не встрѣтить хотя одного, если не въ четырнадцать, то хоть въ десять, или двѣнадцать фунтовъ? Видѣнный и взвѣшенный мною на безмѣнѣ осьми-фунтовый линь былъ длиною въ двѣ четверти съ вершкомъ, но за то чрезвычайно толстъ. Лини клюютъ на хлѣбъ, на земляныхъ и навозныхъ червей, на раковыя шейки и на линючихъ, небольшихъ раковъ: ибо имъ трудно заглатывать крупныхъ. Самый лучшій клевъ линей въ рѣкахъ и прудахъ начинается сейчасъ по слитіи вешнихъ водъ; лѣтомъ они берутъ уже въ однихъ прудахъ, то есть: въ ихъ заливахъ, полояхъ и верховьяхъ, изрѣдка даже въ материкъ пруда; но въ рѣкѣ незапруженной лѣтомъ уже ни за что линя не выудишь. Въ Оренбургской губерніи я уживалъ линей, и по

многу, въ началѣ Сентября, даже при небольшихъ морозахъ, по глубокимъ мѣстамъ въ поляхъ пруда, обросшихъ кругомъ травою; но около Москвы этого клева не существуетъ: какъ скоро похолодѣетъ, всѣ лини изъ заливовъ и травъ уйдутъ, а въ материкъ не берутъ. Линь хорошо водится въ рѣкахъ тихихъ, тинистыхъ и травянистыхъ; холодной воды не любитъ, но всего больше размножается въ проточныхъ прудахъ, озерахъ и даже въ прудахъ непроточныхъ, но большихъ. Линя рѣдко выудишь въ материкъ: заводи, заливы, полон, непременно поросшіе травою—вотъ его любимое мѣстопробываніе. Линей надобно удить непременно со дна и на нѣскольکو удочекъ; они берутъ тихо и вѣрно: по большой части, наплавокъ безъ малѣйшаго сотрясенія, непримѣтно для глазъ, плыветъ съ своего мѣста въ какую-нибудь сторону—это линь; онъ взялъ въ ротъ крючокъ съ насадкой и тихо съ нимъ удаляется; вы хватаете удилице, подсѣкаете, и жало крючка пронзаетъ какую-нибудь часть его мягкаго, тѣснаго, какъ бы распухшаго внутри рта: линь упирается голсвой внизъ, поднимаетъ хвостъ къ верху и въ такомъ положеніи двигается

очень медленно по тинистому дну и то, если вы станете тащить за лесу; въ противномъ случаѣ онъ способенъ пролежать камнемъ нѣсколько времени на одномъ и томъ же мѣстѣ. Если вы почувствуете, что лить очень великъ, то не надобно торопиться и тащить слишкомъ сильно: можно переломить крючокъ, если онъ воткнулся въ лобковую кость его рта и пришелся на взломъ: держите лесу слегка въ натяжку и дожидайтесь, когда лить рѣшится ходить; тогда начинайте водить и водите долго, ибо онъ очень силенъ и не скоро утомляется; берегитесь травы: онъ сейчасъ въ нее бросится, запутается и готовъ оставаться тамъ нѣсколько часовъ. Далѣе поступайте такъ, какъ слѣдуетъ обходиться съ большою рыбой. Лить очень рѣдко срывается, развѣ порвется леса, или сломается крючокъ. По своей мягкости и живучести, маленькіе линьки служатъ отличной насадкой на хищную рыбу. Уха изъ линеѣ густа и питательна, имѣетъ вмѣстѣ особенный, довольно пріятный, сладкий вкусъ; но всего лучше ихъ сушить въ сметанѣ. Лини часто пахнутъ тиной.

КАРАСЬ.

Самая плодовитая и вездѣ во множествѣ водящаяся рыба. Складомъ своимъ широкъ и кругловатъ; фигура его составляетъ средину между красноперкой и лещомъ, то есть онъ шире красноперки и уже леща; покрытъ чешуей серебрянаго, или ярко-золотаго цвѣта. И бѣлые и желтые караси (какъ называютъ ихъ безъ церемоніи рыбаки) живутъ въ одной и той же водѣ вмѣстѣ. Иногда попадаются караси средняго, переходнаго отъ бѣлаго къ желтому цвѣта: вѣроятно, это помѣсь. Вся разница между ними состоитъ въ томъ, что караси желтые нѣсколько круглѣе и перья имѣютъ красныя, особенно нижнія; у бѣлыхъ же они сѣровато-сизыя. Вообще карась складная и красивая рыба, преимущественно золотой. Многіе увѣряли меня, что караси бываютъ въ десять и даже двѣнадцать фунтовъ, но я долго этому не вѣрилъ. Переудивши въ жизнь мою неисчисленное множество карасей, я ни одного не выудилъ тяжелѣе двухъ съ половиною фунтовъ. Помню я, въ дѣтствѣ моемъ, какъ тянули не-

водами заливныя озера по рѣкѣ Бѣлой (это было тогда, когда Оренбургская губернія называлась еще Уфимскою), какъ съ трудомъ вытаскивали на зеленый берегъ туго набитую рыбой мотню, * какъ вытряхивали изъ нея цѣлый возъ большихъ щукъ, окуней, карасей и плотвы, которые распрыгивались во всѣ стороны; помню, что иногда удивлялись величинѣ карасей, взвѣшивали ихъ потомъ, и ни одинъ не вѣсилъ болѣе пяти фунтовъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прислалъ мнѣ зимой въ Москву одинъ пріятель нѣсколько мерзлыхъ карасей, пойманныхъ въ Чухломскомъ озерѣ, Костромской губерніи; всѣ они были необыкновенной величины, или лучше сказать, толщины, потому что карась, достигнувъ двухъ четвертей съ небольшимъ длины, начинаетъ расти только въ толщину; но одинъ изъ обитателей Чухломскихъ водъ вѣсилъ девять фунтовъ! Вотъ было бы весело поймать такого карася-исполина на удочку! И такъ почему же не быть карасямъ и въ двѣнадцать фунтовъ? Живя въ Оренбургской губерніи, я и не слыхивалъ объ уженѣ карасей. При изобиліи

* Мотнею называютъ остроконечный мѣшокъ, находящійся въ серединѣ невода.

всякой крупной рѣчной рыбы, конечно, никакой охотникъ не станетъ думать о карасяхъ. Я познакомился съ ними по необходимости, проводя лѣтнее время гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Москвы. Тутъ вездѣ есть копаные пруды, иногда очень большіе и глубокіе, поддерживаемые открывшимися на днѣ родниками и отъ того всегда имѣющіе хорошую воду; карасей разведено почти вездѣ множество, и я волею-неволею полюбилъ это уженье. Караси начинаютъ брать весною позднѣе другой рыбы; надобно, чтобъ теплота воздуха и весенніе лучи солнца прогрѣли воду и тѣмъ подняли карасей съ тинистаго дна, изъ глубокихъ ямъ, куда они забиваются на зиму. Если очень холодно, то въ началѣ Сентября перестаютъ брать; а если тепло, то берутъ до Октября. Всего охотнѣе караси клюютъ на красныхъ навозныхъ червяковъ, или глисть, но берутъ и на земляныхъ червей и на хлѣбъ: къ послѣднему надо ихъ пріучить, бросая куски хлѣба для прикормки. Ежели въ прудѣ водятся и бѣлые и желтые караси, то на хлѣбъ будутъ брать преимущественно желтые, а на червяка—бѣлые: исключенія очень рѣдки. Если же и возьметъ на хлѣбъ бѣлый

карась, то уже не маленькій. Странность необъяснимая, потому что бѣлый карась точно также ѣсть хлѣбную прикормку, какъ и желтый. Хотя караси обыкновенно водятся въ копаныхъ прудахъ и озерахъ, и рѣдко попадаютъ въ заливахъ проточныхъ прудовъ, но никакъ нельзя сказать, что они не живутъ въ рѣкахъ. Я очень часто замѣчалъ, что въ рѣкѣ карасей нѣтъ, а во всѣхъ озерахъ и заводкахъ, наливающихся припруженной водою этой же самой рѣки, вездѣ есть караси. Они разводятся въ невѣроятномъ количествѣ въ самыхъ нечистыхъ водахъ и первые годы растутъ очень скоро, какъ и всякая рыба. Клевъ карасей чрезвычайно неодинаковъ, иногда они берутъ безпрестанно и очень вѣрно: тронутый наплавокъ даетъ около себя одинъ, или нѣсколько кружковъ, и отправляется въ сторону, рѣдко погружаясь; тутъ довольно времени схватить удилице и подсѣчь; тутъ можно удить на нѣсколько удочекъ и разложить спокойно свои удилица, на чемъ случится; но иногда въ томъ же самомъ пруду, караси начнутъ клевать до того осторожно, или лучше сказать, невѣрно, что надобно удить на одну удочку и держать удилице

въ рукѣ, потому что должно уловлять посреди троганья и поталкиванья малѣйшую потяжку наплавка; промаховъ будетъ не мало, но иначе ничего не выудишь; въ этомъ случаѣ гораздо вѣрнѣе удить на хлѣбъ. Впрочемъ иногда караси берутъ только на хлѣбъ, иногда только на червей. Эту перемѣну въ характеръ клева я объясняю тѣмъ, что покуда держатся около вашихъ удочекъ караси среднѣе, ровныя, то клевъ продолжается вѣрный; когда же привалютъ стаи мелкихъ карасей (вотъ почему не годится бросать много прикормки), то начнется одно пустое троганье и поталкиванье, такъ что порядочный карась долженъ протѣсняться сквозь кучу мелкихъ и не можетъ взять тихо и спокойно, а беретъ также урывками, хватая за хвостъ червяка, слѣдственно также не вѣрно. Впрочемъ и то надобно сказать, что когда въ небольшомъ прудѣ выужено значительное количество карасей, да у числа вдвое большаго, прорваны, или поранены губы, то и карась, какъ онъ ни прѣстъ, долженъ сдѣлаться осторожнымъ.

Для хлѣбной насадки надобно употреблять удочки маленькія, а для червяка — среднія. Очень ранняго вставанья по утрамъ не нужно;

въ лѣтніе жаркіе и красные дни, какъ скоро сядетъ солнце, караси начинаютъ ходить около береговъ, въ это время и удочки надобно закидывать какъ можно ближе къ берегу. Въ полдень же они поднимаются на верхъ, и черными большими пятнами, какъ пролитая смола, то темнѣе, то свѣтлѣе, тихо передвигаются съ мѣста на мѣсто по поверхности воды. Тутъ надобно пускать наплавки какъ можно мельче, ибо въ это время караси берутъ очень мало со дна. Крупные караси—я разумѣю карасей около двухъ фунтовъ—попавъ на удочку, довольно бойко бросаются въ сторону, вертя и головой и всѣмъ тѣломъ и виляя хвостомъ; я предполагаю, что у большихъ карасей этотъ маневръ можетъ быть опасенъ, и потому надобно стараться сейчасъ повернуть карася въ сторону, не давая натянуть лесы, карась скоро утомляется и всплываетъ на верхъ бокомъ, какъ лещъ. Сушеные и особенно жареные въ сметанѣ караси — превосходнѣйшее блюдо; но какъ они живутъ въ прудахъ, то вкусъ ихъ зависитъ отъ качества воды, и они часто пахнутъ тиной. Впрочемъ, если такихъ карасей насажать въ плетеную сажелку и опустить въ чистую, проточную

воду, то черезъ мѣсяць они потеряютъ непріятный вкусъ и сдѣлаются очень хороши. Карась самая живущая рыба, и потому мелкіе карасики служатъ отличною насадкой для всѣхъ породъ крупной, хищной рыбы.

Двѣ послѣднія породы рыбъ: линь и карась, имѣютъ особенный характеръ, имѣ только свойственный. Ихъ можно назвать рыбами *тинистыми*, ибо они только тамъ разводятся въ изобиліи, гдѣ вода тиха и дно ея покрыто тиной. Тина ихъ атмосфера; на зиму они рѣшительно въ нее забиваются и остаются живы даже тогда, когда въ жестокія безснѣжныя зимы, въ мелкихъ прудахъ и озерахъ вся вода вымерзаетъ и только остается на днѣ мокрая, тинистая грязь.

Теперь я приступаю къ описанію хищныхъ рыбъ.

17.

ОКУНЬ.

Ужъ право и не знаю, откуда произвести его имя. Не происходитъ ли оно отъ глагола *окунать*: ибо окунь всегда окунаетъ, то есть погружаетъ въ воду наплавокъ и даже не

одинъ разъ, если кусокъ, имъ заглатываемый, слишкомъ великъ?

Послѣ плотвы, окунь самая многочисленная порода рыбы. Въ рѣкахъ, озерахъ, въ прудахъ проточныхъ и даже непроточныхъ, лишь бы вода была свѣжа, онъ разводится изобильно. Окунь довольно широкъ станомъ, горбоватъ, покрытъ чешуей, зеленоватаго, нѣсколько золотистаго цвѣта, на спинѣ имѣетъ гребень съ острыми иглами, и между имъ и хвостомъ плавильное перо, хвостъ и особенно нижнія перья красныя, брюшко бѣловатое, глаза желтые съ черными зрачками; поперекъ пересѣкаютъ его пять темныхъ полосъ, что дѣлаетъ его пестрымъ и вообще очень красивымъ. На щекахъ, покрывающихъ его жабры, онъ имѣетъ по одной иглѣ, которыми очень больно колется, если его возьмешь неосторожно; большой ротъ и широкое горло, показываютъ способность глотать большіе куски, несоразмѣрные даже съ его ростомъ, и обличаютъ хищную его породу. Окунь достигаетъ значительной величины и особенно въса. По разсказамъ людей, впрочемъ достовѣрныхъ, бывають окуни въ двѣнадцать фунтовъ, но я видалъ только въ восемь фунтовъ и то

мерзлыхъ, привозимыхъ съ Урала. Самъ я выудилъ окуня въ три съ половиною фунта, и тяжеле его живыхъ не видывалъ. Въ длину окунь не вырастаетъ много, что я особенно замѣтилъ, сравнивая осьми-фунтоваго окуня, который былъ двухъ четвертей съ половиною длины и четыре вершка ширины, съ окунемъ въ три съ половиною фунта: въ длину не было большой разницы. Но за то окунь растетъ въ толщину, которая простирается въ спину до двухъ вершковъ. ~~Х~~ Окунь начинаютъ клевать весною, какъ только прояснится вода, и продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока вода покроется льдомъ, даже берутъ зимой въ прорубяхъ; впрочемъ я никогда не пробовалъ зимняго уженья. Самый богатый клевъ окуней въ Августъ и въ началъ Сентября, когда отъ легкихъ морозовъ вода сдѣлается чище и имъ будетъ не такъ удобно ловить мелкую рыбу. Почти всѣ охотники очень любятъ уженье окуней и многіе предпочитаютъ его всѣмъ другимъ, во первыхъ потому, что окуни клюютъ часто, и если подойдетъ стая окуней (а осенью они собираются стаями), то уже немногіе изъ нихъ пойдутъ прочь; во вторыхъ потому, что они берутъ жадно и

вѣрно даже до того, что большею частью совсѣмъ проглатываютъ насадку; и наконецъ въ третьихъ, потому что ужение ихъ не требуетъ осторожности. Окунь не только не боится шума и движенія воды, но даже бросается на нихъ, для чего палкой или толстымъ концомъ удилица нарочно мутятъ воду по дну у берега: ибо это похоже на муть, производимую мелкою рыбешкой. Средніе окуни чаще берутъ на вѣсу, а крупные со дна, если оно чисто. Съ весны надобно удить на червей, лѣтомъ—на раковыя шейки и линючихъ раковъ, и особенно небольшіе линючіе раковыя клешни, которыя окуни очень любятъ; къ осени же до самой зимы всего лучше удить на маленькихъ рыбокъ. Впрочемъ окунь не разборчивъ и клюетъ почти всегда на всѣ вышепоименованныя насадки. Выгоднѣйшее время для ужения, безъ сомнѣнія, утро; но въ раннемъ вставаньѣ, до солнца, нѣтъ надобности. По утрамъ должно удить на мѣстахъ чистыхъ, открытыхъ, но всегда около травъ; въ полдень напротивъ (разумѣется въ лѣтніе жары), окунь любитъ стоять въ тѣни, въ корягахъ, подъ кустами, подъ навѣсомъ травъ и лопухами; вечеромъ же

опять ходить по мѣстамъ чистымъ и открытымъ. Если окуни берутъ не часто, то можно удить и на три удочки, изъ которыхъ одну, большаго размѣра, насадивъ крупнои насадкой, положить на дно, а двѣ пустить на вѣсу. Если же окуни берутъ безпрестанно, то и съ двумя удочками трудно управиться. Тутъ уже дѣло не въ томъ, чтобы успѣть подсѣчь, а въ томъ, чтобъ окуни не слишкомъ далеко заклевывали и не утаскивали удилицъ совсѣмъ въ воду. Далекое заклевываніе отнимаетъ много времени при доставаніи крючка, портитъ поводокъ и рыбу, отъ чего она сей часъ умираетъ. Какъ скоро окунь повезъ наплавокъ, или погрузилъ его въ воду, сей часъ надобно его вытаскивать. Окунь никогда не хватаетъ, не рветъ насадки съ разбѣга, съ размаха, какъ то дѣлаютъ многія нехищныя рыбы: клевъ его рѣшителенъ, важенъ, даже добросовѣстенъ, ибо никогда не обманчивъ. Я имѣлъ случай много разъ наблюдать его въ прозрачныхъ водахъ: завидя добычу, окунь прямо бросается къ ней, сначала быстро, но чѣмъ ближе, тѣмъ медленнѣе, приближаясь разъвѣаетъ ротъ и почти коснувшись губами куска, вдругъ останавливается неподвижно, и

не дѣлая движенія ртомъ, какъ будто потянетъ въ себя воду: крючокъ съ насадкой исчезаютъ, а окунь продолжаетъ плыть, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ, увлекая за собою и лесу и наплавокъ и даже удилице. Ловя живую рыбку, онъ поступаетъ иначе: стремительно бросается за нею и хватаетъ ее на бѣгу. Окунь почти никогда не срывается, промахи случаются также очень рѣдко. Правда, бываетъ иногда клевъ, который можетъ привести въ заблужденіе неопытнаго рыбака, ибо безпрестанно какая-то рыба утаскиваетъ наплавокъ и безпрестанно промахи слѣдуютъ одинъ за другимъ; видя всякій разъ, что конецъ червяка оторванъ, охотникъ сначала считаетъ это шалостью ельцовъ, или плотвы, хотя характеръ клева чисто окуневый. Между тѣмъ среди множества промаховъ, иногда вытаскиваетъ онъ порядочныхъ окуней и убѣждается, что и окуни иногда шалютъ, обманываютъ, клюютъ невѣрно. Обвиненіе несправедливое. Всѣ сіи продѣлки происходятъ отъ самыхъ маленькихъ окуней, которые грѣшатъ невольно: ибо не могутъ заглотать ни длиннаго червяка, ни толстой раковой шейки; чтобъ убѣдиться въ этомъ, надобно взять ма-

ленькую удочку, насадить маленькаго червячка и сейчасъ будетъ выужень крошечный окунишка. Если охотникъ не захочетъ дожидаться подхода окуней покрупнѣе, которымъ мелкіе сейчасъ уступать, то надобно перейти на другое мѣсто, ибо стая окунишекъ, на которую онъ попалъ, не отстанетъ цѣлый день отъ его удочекъ.

Безспорно, что крупныхъ окуней удить весело (объ огромныхъ нечего и говорить), но я долженъ признаться, что частый клевъ окуней среднихъ и мелкихъ такъ однообразенъ, такъ вѣренъ, вытаскиванье ихъ такъ просто, что все это вмѣстѣ иногда можетъ также наскучить, какъ и тасканье подлещиковъ. Искусство удить тутъ почти исчезаетъ, а съ нимъ — и весь интересъ ужения. Я знаю, что за это возстанутъ на меня многіе охотники: ибо клевъ окуней считаютъ лучшимъ, но я говорю откровенно свое мнѣніе. Большіе окуни очень упористы и сильны, и покуда не будутъ утомлены, ни за что на верхъ не выходятъ; для нихъ употребляются удочки большаго разбора, и не смотря на то, надобно ихъ вытаскивать осторожно; хотя огромный окунь не кидается быстро во всѣ

стороны, но за то, стараясь упираться головою въ берегъ или дно, такъ круто поворачивается, что можетъ порвать и крѣпкую лесу. Известно, что окуни составляютъ превосходное и самое здоровое кушанье: приготовленные на холодное, а еще лучше печеные въ чешуѣ, они имѣютъ отличный вкусъ, и въ добавокъ совсѣмъ не костливы. Уха изъ нихъ также очень хороша. Отличительное свойство окуней — жадность, въ чемъ развѣ только щука можетъ съ ними равняться; ужение на блесну, о которомъ я поговорю особо, служить тому неопровержимымъ доказательствомъ. Я расскажу два убѣдительные примѣра этой жадности, случившіеся со мной. Въ одно прекрасное, лѣтнее утро, на большомъ озерѣ, называемомъ по татарски *Кіишки* *, таскалъ я плотву и подлещиковъ; вдругъ вижу, что на отмели, у самага берега, выпрыгиваетъ изъ воды много мелкой рыбешки; я зналъ, что это происходитъ отъ преслѣдованія хищной рыбы, но видя, что возня не прекращается, пошелъ посмотреть на

* «Кіишки» по Русски значитъ *длинный*. Это озеро находится въ 30 верстахъ отъ губернскаго города Уфы и въ полуверствѣ отъ рѣки Бѣлой, съ которой сливается весной.

нее. Что же я увидѣлъ? на отмели, острымъ угломъ вдававшейся въ берегъ, не глубже двухъ вершковъ, безчисленная стая порядочныхъ окуней ловила мелкую рыбу, которая, отъ неизбежной гибели, выскакивала даже на сухой берегъ; окуни такъ жадно преслѣдовали свою добычу, что сами попадались на такую мель, съ которой уже прыжками добивались до воды поглубже: я даже поймалъ трехъ изъ нихъ руками. Не смотря на мое присутствіе, окуни не переставали гонять и ловить рыбу; я сбѣгалъ за своей удочкой и насаживая мелкую рыбешку, лежавшую на берегу, и закидывая въ самую середину стаи, выудилъ тридцать хорошихъ окуней. Другой случай еще поразительнѣе: въ ненастную и вѣтреную погоду пришелъ я удить окуней у мельничнаго кауза, между сваями, его окружавшими; едва только закинулъ я среднюю удочку, насаженную на раковую шейку, какъ пошелъ проливной дождь, отъ котораго я спрятался подъ крышею пильной; дождевая туча еще не пронеслась, какъ я услышалъ крикъ зовущаго меня мельника; я поспѣшно бросился къ нему и вижу, что онъ возится съ моей удочкой, на которую взяла большая рыба;

но я не успѣлъ прибѣжать во время: мельникъ стоялъ уже съ однимъ удилицемъ и лесой, оборванной выше наплавка.... Какъ ни досадна была эта услужливость, отъ которой я потерялъ большую рыбу и прекрасно устроенную удочку, но дѣлать нечего; я развернулъ большую удочку, насадилъ кучу глисть и раковую шейку, и закинулъ; черезъ минуту наплавокъ исчезъ, и я вытащилъ славнаго окуня, фунта въ два, у котораго изо рта висѣла и другая, сейчасъ оторванная имъ длинная леса и съ наплавкомъ. Оба случая, теперь описанные и иногда разказанные мною неохотникамъ, нерыбакамъ, не рѣдко возбуждали лукавыя улыбки, въ которыхъ ясно выражалось, что мои рассказы годятся въ извѣстную книжку: *»не любо, не слушай, а лгать не мѣшай«*; но ничего нѣтъ невѣроятнѣе истины и мудренѣе дѣйствительности.

18.

ЩУКА.

При всемъ моемъ усердіи, не могу доискаться, откуда происходитъ имя щуки. Это рыба, по преимуществу хищная: длинный брусковатый станъ, широкое перо на хвостъ

для быстрыхъ движеній, вытянутый впередъ ротъ, нисходящій отъ глазъ въ видъ ткацкаго челнока, огромная пасть, усъянная внизу и вверху сплошными, острыми, скрестившимися зубами, изъ коихъ не вырвется никакая добыча, широкое горло, которымъ она проглатываетъ куски толще себя самой, все это вмѣстѣ даетъ ей право называться царицею хищныхъ рыбъ, обитающихъ въ прѣсныхъ водахъ обыкновенныхъ рѣкъ и озеръ. Я разумью здѣсь только тѣ породы рыбъ, которыя называются *бѣль*, въ противоположность чему всѣ другія породы, какъ-то осетры, севрюга, бѣлорыбица и проч., называются *красная рыба*. Щука имѣетъ большіе темные, зоркіе глаза, которыми издалека видитъ свою добычу; она покрыта чешуей, изпещрена вся пятнами и крапинами темно-зеленоватаго цвѣта; брюхо имѣетъ бѣлое, хвостъ и плавильныя перья зеленовато-сѣрыя. Я слыхалъ, что щука можетъ жить очень долго, до ста лѣтъ (тоже рассказываютъ и даже пишутъ о карпѣ), въ чемъ будто удостовѣрились опытами, пуская небольшихъ щурятъ съ замѣтками на хвостъ, или перьяхъ, въ чистые, проточные пруды, которые никогда не уходили, и защи-

сывая время, когда пускали ихъ; слыхаль, что будто щуки вырастають до двухъ аршинъ длины и до двухъ съ половиною пудъ вѣсу; все это можетъ быть и правда, но чего не знаю, того не утверждаю. Самая большая щука, какую мнѣ удалось видѣть, вѣсила одинъ пудъ и пятнадцать фунтовъ; длиною она была аршинъ и пять вершковъ; шириною въ спинѣ и бокахъ въ четверть аршина, но за то, почти во всю длину, была равной квадратной толщины. Щука преимущественно питается рыбой, но по алчности своей глотаетъ и лягушекъ и всякую водяную гадину, даже крысъ, утятъ и гусятъ, отчего большую щуку называютъ *утятницей*. Щука водится только въ водахъ чистыхъ и появляется въ рѣкахъ вмѣстѣ съ плотвою и окунями, и вмѣстѣ съ ними дохнетъ, если вода въ прудѣ, или озерѣ отъ чего нибудь испортится. Маленькая щука называется *щуренокъ*, а во множественномъ — *щурята*; гдѣ много всякой мелкой рыбы, тамъ и щуки разводятся и держатся во множествѣ; большею частію ловятъ ихъ на жерлицы, о чемъ я поговорю впоследствии. Щука очень охотно беретъ на удочку, крючокъ которой насаженъ какою-

нибудь мелкой рыбой, для чего поводокъ употребляется металлическій, или изъ басовой струны, о чемъ говорено выше, но клюетъ также на рака и даже изрѣдка на червяка; клевъ ея очень быстръ, и какъ скоро она схватитъ насадку, то наплавокъ мгновенно исчезаетъ изъ глазъ. Щука не рѣдко беретъ на простыя удочки, закинутыя совсѣмъ не для нея; разумѣется, сейчасъ, какъ ножницами, перекусываетъ самую толстую лесу, или поводокъ, что иногда бываетъ очень досадно. Только въ одномъ случаѣ можно вытаскать щуку на удочку съ обыкновеннымъ поводкомъ: если крючокъ зацѣпить за край губы, и ей нельзя будетъ достать зубами до лесы; но такіе счастливые случаи очень рѣдки. Щукъ не нужно удить со дна; напротивъ, гораздо виднѣе, если насаженная на крючокъ рыбка будетъ ходить аршина на полтора глубины. Вообще ужение на рыбку никогда не производится со дна. Съ весны щуки берутъ мало; лѣтомъ клюютъ они около травъ, въ которыхъ обыкновенно стоятъ, подстерегая мелкую рыбу, но всего лучше удить ихъ осенью: во первыхъ потому, что вода сдѣлается свѣтлѣе и щуки издалека видятъ приманку, и во

вторыхъ потому, что травы отъ морозовъ опадутъ, и щукамъ сдѣлается не такъ удобно прятаться и не такъ ловко ловить мелкую рыбешку: въ это время онѣ голодны и жадны. Это ужение очень веселое, потому что какъ скоро вы закинете удочку и близости есть щука, то она не замедлитъ явиться; равно и потому, что не рѣдко берутъ щуки очень большія. Хотя на удочкѣ онѣ очень бойки и въ движеніяхъ быстры; но какъ-то неупористы, ходки и на поворотахъ поводливы; меньшія щуки, фунтовъ до трехъ, довольно легко выкидываются на берегъ, даже безъ сачка; разумѣется, леща должна быть толстая и поводокъ здоровый, равнаго съ ней вѣсу окунь покажется гораздо тяжеле. Присутствіе щукъ легко можно угадать по внезапному прекращенію клева плотвы и другой некрупной рыбы, и еще вернѣе по выпрыгиванію изъ воды мелкой рыбешки, которая, какъ дождь, брызжетъ во все стороны, когда щука съ быстротою стрѣлы пролетитъ подъ водою. Выудивши нѣсколько щукъ на одномъ мѣстѣ, надобно перейти на другое, на третье мѣсто, и такъ далье; тоже должно сдѣлать, ежели прой-

детъ съ полчаса и щуки не берутъ: это вѣрный знакъ, что ихъ нѣтъ поблизости. Нѣкоторые охотники страстно любятъ ужение щукъ и предпочитаютъ его всѣмъ другимъ ужениямъ; не раздѣляя этого мнѣнія, я понимаю его причину. Для кого не скучно переходить съ мѣста на мѣсто, а напротивъ скучно сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ напрасно ожидая клева порядочной рыбы; кто любитъ скорое рѣшеніе: будетъ или не будетъ брать; кто любитъ повозиться съ рыбой проворной, живой, быстрой въ своихъ движеніяхъ, которая выкидываетъ иногда необыкновенные, неожиданные скачки — тому ужение щукъ и вообще хищныхъ рыбъ должно преимущественно нравиться. За щуками, особенно небольшими, водится странная продѣлка: по недостатку мѣста, гдѣ бы можно было спрятаться, щука становится возлѣ берега, плотины, древеснаго пня, торчащаго въ водѣ, сваи, или жерди, воткнутой въ дно, и стоитъ иногда очень близко къ поверхности воды цѣлые часы неподвижно, точно спящая, или мертвая, такъ что не вдругъ ее примѣтишь; даже мелкая рыба, безъ опасенія, около нея плаваетъ; цѣль очевидна, но ин-

стинктивную эту хитрость она простираетъ до неразумнаго излишества. Стоящихъ въ такомъ очарованномъ положеніи щукъ и щурятъ не только стрѣляютъ изъ ружей*, но даже бьютъ, или, правильнѣе сказать, глушатъ дубинами; даже наводятъ на нихъ волосяной силокъ, навязанный на длинной лутошкѣ, и выкидываютъ на берегъ. Я имѣлъ случай убить изъ ружья въ такомъ положеніи стоящую щуку въ девять фунтовъ. Мало этого, при моихъ глазахъ, мой товарищъ-рыбакъ, сидѣвшій и удившій со мною во одной лодкѣ, крѣпко привязанной къ кольямъ, примѣтивъ щуку, стоящую подъ кормою лодки, схватилъ ее рукою... она вѣсила слишкомъ два фунта. Алчность щукъ не имѣетъ предѣловъ: онѣ не рѣдко кидаются на такихъ рыбъ, или утятъ, которыхъ никакъ заглотать не могутъ, изъ чего выходятъ презабавныя явленія: добыча, будучи сильнѣе вцѣпившагося

* Всякую рыбу, стоящую не глубоко въ водѣ, можно застрѣлить изъ ружья. Надобно только взять въ соображеніе уголъ паденія дроби и мѣтить не въ самую рыбу, а дальше. Уголъ отраженія дроби (всегда равный углу паденія) будетъ зависетьъ отъ того, какъ высокъ берегъ, на которомъ стоитъ охотникъ.

въ нее врага, таскаетъ его по водѣ за собою. Я самъ видѣлъ, какъ оперившійся совсѣмъ утенокъ, или лучше сказать, молодая утка, съ ужаснымъ крикомъ отъ испуга и боли, хлопая по водѣ крыльями, и даже нѣсколько приподымаясь съ воды, долго билась со щукой, которая впиалась въ заднюю часть ея тѣла; видѣлъ также, какъ большой язь таскалъ за собой небольшую щуку, схватившую его за хвостъ. Но я расскажу два случая, еще болѣе доказывающіе непомѣрную жадность щуки: рыбакъ, стоявшій возлѣ меня на плотинѣ огромнаго пруда, вытаскивая небольшую рыбу, вдругъ почувствовалъ на удочкѣ такую тяжесть и силу, что едва не выронилъ изъ рукъ удилица, но принявъ это за неожиданное движеніе какой-нибудь средней рыбы, сталъ тащить съ болѣею силою и вывелокъ на плотину порядочную щуку. Каково было наше удивленіе, когда мы увидѣли, что за крючокъ взяла обыкновенная плотичка, а за нее уцѣпилась щука и такъ крѣпко вонзила свои зубы, что надобно было насильно разжать ей ротъ! Другой случай былъ со мной весьма недавно, а именно въ половинѣ Сентября 1845 года: пришелъ я

удить окуней, часу въ осьмомъ утра на свою мельницу; около плотины росла длинная трава; я закинулъ удочку черезъ нее въ глубокой материкъ, насадивъ на крючокъ землянаго червя; только что я положилъ удилице на траву и сталъ развивать другую удочку, какъ наплавокъ исчезъ, и я едва успѣлъ схватить удилице; вынимаю—поводокъ перегрызенъ; я зналъ, что это щука и сейчасъ закинулъ другую удочку; черезъ нѣсколько минутъ повторилась та же исторія, но я успѣлъ подсѣчь и началъ уже водить какую-то большую рыбу, какъ вдругъ леса со свистомъ взвилась къверху: поводокъ опять оказался перегрызенъ: явно, что и это была щука; но уже большая, ибо я ее видѣлъ. Не имѣя съ собой поводка для щукъ, что было очень досадно, я закинулъ третью удочку, насаженную также на землянаго червя, но уже держалъ удилице въ рукѣ, въ готовности подсѣчь щуку при первомъ движеніи наплавка; такъ и случилось: едва наплавокъ сталъ наклоняться, я проворно подсѣкъ и свободно вытащилъ небольшую щуку, которая также откусила у меня поводокъ, но уже на плотинѣ. Дома, когда стали эту щуку чистить,

чтобы сварить къ столу, нашли у ней въ глоткѣ, кромѣ послѣдняго, и первый мой крючокъ съ отгрызеннымъ поводкомъ. И такъ это была щука, взявшая у меня въ первый и въ третій разъ, ибо вторая, съ которою я довольно возился, была вдвое больше выуженной щуки. Я очень хорошо знаю, что подробное описаніе такихъ случаевъ можетъ быть интересно только для настоящихъ и страстныхъ охотниковъ, но именно для нихъ я и пишу. Для нихъ также долженъ я сказать, что нынѣшній же годъ я выудилъ щуку въ три съ половиною фунта на одинъ волосъ изъ Индійскаго растенія. Со мной не было сачка: я долженъ былъ посылать за нимъ домой, и такъ, около получаса, щука, проглотившая далеко крючокъ, билась и металась на одномъ волоскѣ и не могла перегрызть его. Хотя я не охотникъ до этого выписнаго волоса, но долженъ признать превосходное его качество въ этомъ отношеніи. Щука, средней величины, пойманная весною и даже лѣтомъ, и сваренная на холодное прямо изъ воды, а не снулая, составляетъ прекрасное блюдо.

ЖЕРИХЪ, ШЕРЕСПЕРЪ.

Эта хищная рыба во всѣхъ низовыхъ губерніяхъ называется *жерихъ*, а около Москвы *шересперъ*. Первое имя, вѣроятно, происходитъ отъ глагола *жировать*, то есть играть, прыгать, что весьма соотвѣтствуетъ свойствамъ этой рыбы: ибо она очень любитъ выпрыгивать изъ воды и плескаться на ея поверхности изъ одного удовольствія, а не для преслѣдованія добычи; второе же имя должно происходить отъ того, что жерихъ, выскакивая изъ воды, расширяетъ свои плавильныя перья и гребень. Я буду употреблять первое имя для удобства произношенія и потому, что употребленіе его гораздо обширнѣе. Жерихъ длиненъ, похожъ на язя своимъ станомъ, но уже его; цвѣтомъ чешуи гораздо его бѣлѣе, серебристѣе; онъ имѣетъ ту особенность, что нижняя губа его рта длиннѣе верхней; послѣдняя, какъ будто, имѣетъ выемку, а нижняя похожа своимъ образованіемъ на загнутый къверху птичій носъ и входитъ въ выемку верхней части рта. Такимъ образомъ

ротъ жериха представляетъ нѣсколько клевъ хищной птицы въ обратномъ положеніи. Хвостъ и перо верхнее очень тверды, цвѣтомъ сѣрыя, а нижнія перья красноватыя; глаза сѣрые, зрачки темные; ротъ довольно великъ, но не огроменъ. Нижняя часть тѣла бѣлая. Жерихъ не водится въ маленькихъ рѣчкахъ, но любитъ рѣки большія, или по крайней мѣрѣ многоводныя, глубокія и быстрыя, живетъ также и въ большихъ, чистыхъ озерахъ, питается мелкою рыбою и на нее только беретъ на удочку; клевъ его чрезвычайно быстръ и на удочкѣ ходитъ онъ необыкновенно бойко; онъ вырастаетъ длиною въ аршинъ, и вѣсомъ бываетъ въ осмнадцать фунтовъ. Безъ сомнѣнія, уженъ жериховъ одно изъ лучшихъ, интереснѣйшихъ для охотника; къ сожалѣнію, я очень мало знакомъ съ нимъ и не могу сообщать дальнѣйшихъ подробностей объ этой замѣчательной рыбѣ. Я видалъ, что рыбаки удятъ ихъ на рыбку, на быстринахъ, на вѣсу, аршина въ полтора глубины. Жерихъ, приготовленный прямо изъ воды на холодное, составляетъ прекрасное блюдо.

СУДАКЪ.

Съ этою превосходною рыбою для стола я еще менѣе знакомъ, какъ рыбацкѣ. Но знаю, что она беретъ на удочку. Судаки вырастаютъ до огромной величины; вѣсъ ихъ простирается до полупуда и болѣе. Живутъ въ большихъ рѣкахъ и любятъ быструю и свѣжую воду. Судацкѣ имѣетъ ротъ вытянутый, длинный, рѣдкіе, но толстые и крѣпкіе зубы, и довольно большой языкъ, что даетъ ему нѣкоторое право причисляться къ роду форелей. Станомъ онъ брусковатъ и похожъ на щуку, но не много шире ея; нижняя половина его тѣла и брюха—серебристо-бѣлаго цвѣта, а спина и верхнія стороны боковъ сѣроваты; поперегъ всего тѣла лежатъ двѣнадцать полосъ темносиняго, неяркаго цвѣта; глаза имѣетъ довольно большіе, желтоватые, зрачки темные. Въ рѣкахъ, гдѣ водится много судаковъ, они берутъ охотно на удочку, насаженную рыбкой. Судацкѣ очевидно хищная рыба; онъ попадаетъ на жерлицы и крючки, также какъ щука, но преимущественно ночью и въ позднюю осень. Живые судаки составляютъ лакомое и здоровое блюдо; это необходимая

принадлежность хорошаго стола, вслѣдствіе чего иногда бываютъ очень дороги; но за то мерзлыхъ судаковъ въ Москву и ея окрестности навозятъ такое множество, что они къ концу зимы дѣлаются чрезвычайно дешевы, то есть рублей по шести за пудъ. Для постниковъ это драгоценная рыба: вкусна, здорова, не костлива, на все пригодна, не прѣдается и дешева. Однимъ словомъ — это постная говядина.

21.

ЛОХЪ, КРАСУЛЯ.

Эта превосходная порода рыбы, во всѣхъ отношеніяхъ, заслуживаетъ послѣднее имя, которымъ зовутъ ее въ Оренбургской губерніи. Иногда употребляютъ и названіе красной рыбы, вѣроятно, по желтовато-розовому цвѣту ея тѣла и, можетъ быть, по краснымъ крапинамъ, которыми она испещрена; но не должно смѣшивать красулю съ собственно такъ называемою *красною рыбой*, или *семгой*: послѣдняя отличается отъ первой болѣе широкимъ станомъ, сѣровато-бѣлымъ цвѣтомъ чешуи и болѣею краснотою тѣла. Красуля принадлежитъ къ породѣ Форели и вмѣстѣ

съ нею живетъ только въ чистыхъ, холодныхъ и быстрыхъ рѣкахъ, даже въ небольшихъ рѣчкахъ; станъ ея длиненъ, брусковатъ; она очень красива, вся, какъ и форель, испещрена крупными и мелкими, черными, красными и бѣлыми крапинами; хвостъ и перья имѣетъ сизые; нижнюю часть тѣла—бѣловаторозоваго цвѣта; ротъ довольно большой; питается мелкою рыбой, червяками и разными насѣкомыми, падающими въ воду снаружи и въ ней живущими. Красуля достигаетъ огромной величины; мнѣ принесли однажды красулю, пойманную въ маленькой рѣчкѣ, куда она зашла по мутной, весенней водѣ: она въ сила двадцать семь фунтовъ. При уженъ форели, обыкновенно на краснаго червяка, попадаются иногда и красули, но это бываетъ рѣдко; большею частью ловятъ ихъ разными рыболовными снастями, бьютъ по ночамъ строгою и даже стрѣляютъ изъ ружей, подкарауливая, когда красули, по мелкимъ, каменистымъ перекатамъ перебираются изъ одного омута въ другой. Эта послѣдняя необыкновенная охота особенно въ употребленіи у Оренбургскихъ Татаръ, живущихъ по берегамъ *Большаго и Малаго Зая*, протекающихъ

и сходящихся въ одну рѣку, въ Бугульминскомъ уѣздѣ. Во всю мою жизнь я выудилъ только одну красулю, фунта три въсомъ, но и та чрезвычайно бойко ходила на удочкѣ; можно предположить, что очень трудно возиться съ большою красулей. Вкусъ ея превосходенъ. Она имѣетъ довольно большой языкъ, какъ и всѣ три породы форелей.

22.

ФОРЕЛЬ, ПЕСТРУШКА.

Въ Оренбургской губерніи водилась она въ чрезвычайномъ изобиліи во всѣхъ ручьяхъ и рѣчкахъ, ибо всѣ они были студены лѣтомъ, какъ ледъ, и прозрачны, какъ горный хрусталь. Но набѣжавшее отсюда разнородное и разноплеменное народонаселеніе, впрочемъ далеко еще не заселившее этого чудеснаго края, поизмяло его роскошные луга и помутило свѣтлыя воды. Теперь форели водится гораздо менѣе, но все еще много. Въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ, мнѣ извѣстныхъ, она осталась только вверху, до первой мельницы. Простой народъ и не знаетъ слова *форель*; онъ называетъ эту прелестную рыбу: *пестрякъ*, а въ собирательномъ: *пеструшка*, имя

самое приличное, ибо она вся испещрена черными, красными и бѣлыми крапинами; станомъ, складомъ, пестротою кожи, однимъ словомъ: всѣмъ она такъ похожа на красулю, что, безъ внимательнаго разсмотрѣнія, можно почестъ ихъ за одну и ту же рыбу; но пеструшка шире и плоче красули и гораздо пестрѣе; рассказываютъ, что она бываетъ огромной величины, до пятнадцати фунтовъ вѣса; но я плохо этому вѣрю и думаю, что смѣшиваютъ съ нею красуль, которыхъ мелкими я никогда не встрѣчалъ, и признаюсь, я не чуждъ сомнѣнія, что пестрякъ и красуля одна и та же рыба, только въ разныхъ возрастахъ. Я самъ видѣлъ пестряка въ семь фунтовъ, убитаго строгою. Это избіеніе всѣхъ родовъ форели, противное истинному охотнику до уженья, какъ и всякая ловля рыбы разными снастями, производится слѣдующимъ образомъ: въ темную, осеннюю ночь отправляются двое охотниковъ, одинъ съ пукомъ зажженной лучины, таща запасъ ея за плечами, а другой со строгою; они идутъ вдоль по рѣчкѣ и тщательно осматриваютъ каждый омутъ, или глубокое мѣсто, освѣщая его пылающей лучиной; рыба обыкновенно сто-

ить плотно у берега, прислонясь къ нему, или къ древеснымъ корнямъ; примѣтивъ красулю, пестряка, кутему, или налима, охотникъ съ острогой заходитъ съ противоположной стороны, ибо стоя на берегу, подъ которымъ притаилась спящая рыба, ударить ее неловко, и осторожно, соблюдая возможную тишину, погружаетъ по немногу въ воду свой нептуновскій трезубецъ и, доведя его на четверть разстоянія до спины рыбы, проворно вонзаетъ въ нее зазубренныя иглы строги. Точно такимъ образомъ бьютъ и всякую другую рыбу въ прудахъ, озерахъ и рѣчныхъ заливахъ, разъѣзжая на лодкѣ, съ тою разницею, что огонь разводится на желѣзной рѣшѣткѣ, прикрѣпляемой къ носу лодки желѣзною рукояткой; тутъ иногда добываютъ такой величины шукъ, какихъ нельзя поймать и удержать никакою другою рыболовною снастью. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ я охотно допускаю строгу. Я говорилъ выше объ уженьѣ форели по рѣчкамъ; повторяю, кто никогда не былъ до него большиѣмъ охотникомъ; но я много удилъ пеструшки, и съ большимъ наслажденіемъ, въ верховьяхъ чистыхъ прудовъ, гдѣ вода, не затопляя бере-

говъ, стоитъ на ровнѣ съ ними, образуя иногда очень глубокой, слѣдовательно и не совсѣмъ прозрачный материкъ. Тутъ можно удить со дна на двѣ удочки и класть удилица на берегъ, не наблюдая особенной осторожности и тишины; тутъ клевъ пеструшки уже не имѣетъ необыкновенной своей быстроты, и можно успѣть схватить удилице, когда наплавокъ начнетъ шевелиться и погружаться. Самые большіе пестряки, мною выуженные, вѣсили около трехъ фунтовъ, но и тѣ очень бойко ходили на удочкѣ и сачокъ былъ очень нуженъ. Я особенно люблю это уженье; тутъ нѣтъ надобности перемѣнять часто мѣста и можно просидѣть цѣлое утро спокойно, со всѣми удобствами, трубкой, сигаркой, на одномъ мѣстѣ. Я всегда удилъ на среднія удочки, на обыкновеннаго навознаго, или землямага червяка, но многіе охотники удятъ и на рыбку; можетъ быть, послѣдняя насадка лучше, ибо въ желудкѣ пеструшки часто находятъ мелкую рыбешку. Къ сожалѣнію, мнѣ не случилось этого попробовать. Пеструшка такъ нѣжна, что лѣтомъ и пяти минутъ не проживетъ въ ведрѣ съ холодною водою; покуда удишь можно сохранить ее живою въ

кружкѣ, но домой всегда приносишь, или привозишь ее снулою, хотя бы мѣсто уженья было въ самомъ близкомъ разстояніи: отъ того она много теряетъ своего деликатнаго, единственно ей только свойственнаго вкуса. Обыкновенно готовятъ пеструшку снулою и не хвалятся ея вкусомъ; но гастрономъ, желающій вполне оцѣнить достоинство форели, долженъ отвѣдать ухи, сваренной изъ нея на берегу рѣки, или зимою привезенной въ бочкѣ со льдомъ. Пеструшка превосходна также, приготовленная на холодное, равно жареная и сушеная въ сметанѣ.

КУТЕМА.

Я нигдѣ не видывалъ этой рыбы, кромѣ Оренбургской губерніи. Хотя имя ея звучитъ по русски, но это слово чувашское и значитъ: *свѣтлая, блестящая*. Я рѣшительно причисляю ее къ роду форелей. Во первыхъ потому что, гдѣ водится пеструшка, тамъ непременно живетъ кутема и гораздо въ большемъ количествѣ; во вторыхъ потому что она имѣетъ языкъ, и въ третьихъ потому что она совершенно сходна съ форелью всеми своими нра-

вами и превосходнымъ вкусомъ. Складомъ своего стана она нѣсколько потолще въ спинѣ и подлиннѣе форели; цвѣтомъ вся сизо-серебряная, плавильныя перья и хвостъ имѣеть также сизые съ легкимъ отливомъ розово-лиловаго цвѣта; оттѣнокъ этотъ примѣтенъ, если посмотреть къ свѣту на ея перья и спину, которая нѣсколько темнѣе нижней части тѣла, совершенно бѣлой. Кутема, по единогласному мнѣнію туземцевъ и по собственному моему убѣжденію, не вырастаетъ длиннѣе двухъ четвертей и не вѣситъ болѣе двухъ съ половиною фунтовъ; хотя она также любитъ чистую и холодную воду, но нѣсколько менѣе взыскательна на этотъ счетъ, чѣмъ пеструшка. Когда на дикой, чистой, вольной рѣчкѣ, или ручьѣ, сдѣлають первую мельницу и запрудятъ воду плотиною изъ свѣжаго хвороста и земли, пригнетя сверху нѣсколькими пластами толстаго дерна, взодраннаго плугомъ, то въ первые года въ этомъ пруду, чистомъ и прозрачномъ какъ кристалль, живутъ пеструшка и кутема; но въ послѣдствіи времени, когда хворостъ перегніеть, плотина осядетъ, въ деревнѣ накопится навозъ, а дѣвать его нѣкуда, то этимъ навозомъ начнутъ усыпать плотину;

нѣ сообщить водѣ свой запахъ и пеструшка не станетъ жить въ прудѣ, а удалится въ верхъ рѣки; кутема же остается въ немъ нѣсколько времени. Когда же вода еще болѣе испортится, то и кутема пропадетъ. Она беретъ на удочку охотнѣе пеструшки, такъ что ее всегда выудишь вдвое больше. Что касается до ужения этихъ рыбъ, то оно совершенно одинаково, и потому я не стану говорить о немъ особенно.

Вотъ всѣ породы рыбъ, которыя берутъ на удочку и водятся въ водахъ тѣхъ губерній, въ которыхъ мнѣ случилось жить, слѣдственно и удить: это небольшой клочокъ въ отноше- нии къ безконечному пространству нашей руси, и много есть породъ рыбъ, неизвѣстныхъ мнѣ даже по имени, и способовъ ужения, незнако- мыхъ мнѣ по опыту, отчего записки мои очень неполны. Предоставляю другимъ воз- наградить этотъ недостатокъ. Я считаю од- нако не лишнимъ поговорить о двухъ поро- дахъ рыбъ, которыя, хотя не берутъ на удочку во время обыкновеннаго дневнаго

уженья, но попадаютъ на крючки, если ихъ ставить на ночь. Надобно также сказать кое-что и о тѣхъ способахъ рыбной ловли, которыхъ хотя нельзя назвать уженьемъ, но которые ближе къ нему, чѣмъ къ ловль другими снастями: я разумью блесну, крючки и жерлицы. Рыбы, о которыхъ я хочу поговорить, называются: *налимъ* и *сомъ*.

НАЛИМЪ.

Налимъ водится и въ маленькихъ родниковыхъ рѣчкахъ и во всѣхъ большихъ рѣкахъ, въ проточныхъ прудахъ и озерахъ, имѣющихъ хорошую, свѣжую воду. Онъ принадлежитъ также къ породѣ хищныхъ рыбъ, ибо преимущественно питается мелкою рыбешкою; фигура его совсѣмъ особенная и не совсѣмъ пріятная: отъ головы, съ довольно большимъ и широкимъ ртомъ и двумя тупыми усами, сейчасъ начинается брюхо, которое у большихъ налимовъ бываетъ кругло и велико; отъ брюха станъ его сплющивается и оканчивается длиннымъ, плоскимъ, извилистымъ плесомъ, опущеннымъ, до меньшаго кругловатаго хвоста, сплошнымъ, мягкимъ, плавильнымъ пе-

ромъ. Налимъ не имѣеть чешуи, а покрытъ слизью, такъ, что его трудно удержать въ рукахъ; онъ весь мраморный: по темнозеленому желтоватому полю испещренъ черными пятнами; глаза имѣеть темные; нѣкоторые налимы бываютъ очень темны, а другіе очень желтыя. Я не видалъ налима болѣе пятнадцати фунтовъ, но говорятъ, что онъ достигаетъ тридцати фунтовъ. Хотя я только отъ одного рыбака слышалъ, что онъ выудилъ налима, но судя потому, что позднею осенью и въ началъ зимы налимъ беретъ со дна на обыкновенныя удочки, насаженныя рыбкою, или кускомъ рыбы и поставленныя около береговъ на ночь,—его очень можно выудить, если удить ночью; но въ это время года никто не станетъ удить по ночамъ. Уха изъ однихъ налимовъ (безъ бульена изъ ершей), живыхъ непременно, особенно если положить поболѣе печенокъ и молокъ, до того хороша, что, по моему мнѣнію, можетъ соперничать съ знаменитой стерляжьей ухой. Изъ уваженія къ такому высокому качеству и по невозможности удить налимовъ, я допускаю и даже люблю ловлю ихъ мордами по-заволжки, или неротами по-московски. Она производится слѣдующимъ образомъ:

На перекатахъ рѣки, въ которой водятся налимы, загораживаются *язы*, то есть: вся ширина рѣки, или только та сторона, которая поглубже, перебивается нетолстыми сплошными кольями, четверти на двѣ торчащими выше водяной поверхности, сквозь которые можетъ свободно течь вода, но не можетъ пройти порядочная рыба; въ этой перегородкѣ оставляются ворота, или пустое мѣсто, въ которое вставляется *морда**, крѣпко привязанная посрединѣ къ длинной палкѣ: если отверзтая ея сторона четырехугольная, то ее можно вставить очень плотно; если же круглая (что по моему очень дурно), то дыры надобно заткнуть вѣтками сосны, или ели, а за неимѣніемъ ихъ, какими-нибудь прутьями. Всего необходимо, чтобъ морда лежала плотно на днѣ. Зимой, особенно въ сильные морозы, преимущественно около святокъ, выходятъ налимы изъ глубокихъ омутовъ, въ которыхъ держатся цѣлый годъ и идутъ вверхъ по рѣкѣ, по самому дну, прискивая жесткое, хрящеватое,

* Мордою называется сплетенный изъ ивовыхъ прутьевъ круглый мѣшокъ, задній конецъ его завязывается на-глухо, а въ переднемъ, имѣющемъ видъ раскрытаго кошелька, устроивается горло на подобіе воронки, такъ что рыба войти можно свободно, а выйти нельзя.

или даже каменистое дно, о которое они трутся для выкидыванія изъ себя икры и молоко; такимъ образомъ, встрѣтивъ перегородку, сквозь которую пролезть не могутъ, они неминуемо попадутъ въ горло морды; иногда вваливаются такіе огромные налимы, что даже непонятно, какъ они могли пролезть въ узкое отверстіе, будучи почти вдвое его толще. Это объясняется тѣмъ, что вся толщина налима состоитъ въ брюхѣ, которое, по мягкости своей, удобно сжимается, и тѣмъ, что налима покрытъ необыкновенною слизью. Всего выгоднѣе загоразивать язы на устьяхъ рѣчекъ, впадающихъ въ главную рѣку. Налимы идутъ всегда по ночамъ и днемъ никогда въ морды не попадаютъ. Въ наши долгія, жестокія зимы, очень пріятно, послѣ снѣжной вьюги, свирѣпствовавшей иногда нѣсколько дней, особенно послѣ Оренбургскаго бурана, когда утихнетъ мятель, и взрытыя ею снѣжныя равнины представляютъ видъ моря, внезапно оцѣпенѣвшаго посреди волненія, — очень весело, при блескѣ яркаго солнца, пробраться по занесенной тропинкѣ къ занесеннымъ также язамъ, которые иногда не вдругъ найдешь подъ сугробами, разгрести ихъ лопа-

тами, разрубить ледъ пешнями и топорами, выкидать его лопатами и вытащить морду, набитую налимами. Изрѣдка, особенно къ великому посту, попадаются окуни, плотва и раки. Налимы берутъ также на крючки, привязанные на толстую лесу, или снурокъ, безъ грузила и наплавка, насаженные цѣлою рыбкою, или кускомъ свѣжей рыбы. Такіе крючки ставятъ на ночь, насадку опускаютъ на дно у самаго берега, а другой конецъ привязываютъ къ кольшку, или къ древесному сучку. Попадаютъ такіе налимы, что отрываютъ толстые снурки; очевидно, что лучше привязывать ихъ къ кусту, или сучку дерева (только не ольховому, ибо онъ сейчасъ переломится, или оторвется отъ ствола), которое имѣетъ гибь. Уха изъ налимовъ, пирогъ съ налимыми печенками.... такія блюда, превосходный вкусъ которыхъ извѣстенъ всѣмъ.

СОМЪ.

Сомъ фигурой своей очень похожъ на налима, но ротъ его, или правильнѣе сказать, пасть, шире, безобразнѣе; голова еще болѣе сливается съ туловищемъ, то есть брюхомъ;

онъ гораздо отвратительнѣе налима и какъ-то похожъ на огромнаго головастика. Я слыхалъ, что сомы бываютъ чудовищной, баснословной величины, что проглатываютъ не только дѣтей, но и взрослыхъ. Они водятся только въ большихъ рѣкахъ, преимущественно въ тихихъ, тинистыхъ и глубокихъ. Вкусъ сомовій грубъ и непріятенъ, но его плесо, или хвостъ, весь состоящій изъ позвоночной кости и жира, имѣетъ превосходный вкусъ; кулебяка съ какою-нибудь красною рыбой и доброй начинкой, проложенная внутри ломтиками свѣжаго сомовьяго жира, который весь въ печи растаетъ и напитаетъ собою и начинку и корку—объяденье! Сомовъ ловятъ на огромные крючки, или крючья, величина которыхъ бываетъ иногда не менѣе пожарнаго багра, съ соразмѣрною зазубриною, привязывая ихъ на крѣпкія веревки и насаживая большихъ рыбъ, огромные куски мяса, ощипанныхъ вполонину куръ, утокъ и даже маленькихъ поросятъ; насаживаютъ также говяжью и баранью требуху, но на чистую мясную насадку сомъ беретъ охотнѣе. Я слыхалъ также, что гдѣ водится сомовъ много, тамъ удятъ ихъ на огромныя удочки, насаживая рыбу и большихъ лягушекъ.

РАКИ.

Хотя ракъ ни рыба, ни мясо, но лучше и того и другаго. Пословица, что *на безрыбьи и ракъ рыба*, на этотъ разъ несправедлива. Но кромъ своего высокаго гастрономическаго достоинства, раки играютъ очень важную роль въ уженьѣ: ибо служатъ самою лучшею насадкою для всѣхъ рыбныхъ породъ, особенно линючіе, которыхъ въ это время года ничто замѣнить не можетъ. Раки водятся почти во всѣхъ рѣкахъ, проточныхъ прудахъ и даже иногда въ озерахъ, но слишкомъ холодной воды и теплой, особенно несвѣжей и нечистой, сносить не могутъ. Въ рѣкахъ большихъ и песчаныхъ, раки бываютъ очень крупны, но не вкусны и водятся въ маломъ количествѣ; но въ небольшихъ рѣчкахъ, особенно въ губерніяхъ черноземныхъ, водятся въ невѣроятномъ множествѣ, такъ что даже мѣшаютъ удить, — особенно послѣ линянья, когда они бываютъ худы и голодны: на что бы вы ни насадили ваши крючки, хотя бы на раковыя шейки, едва они коснутся дна, какъ раки бросятся со всѣхъ сторонъ, схватятъ клешнями и ртами свою добычу и по-

ползуть въ нору. Сначала будешь ошибаться и, думая, что это беретъ большая рыба, станешь давать имъ волю заклевывать, отчего иногда очень не скоро освободишь крючекъ изъ норы; потомъ скоро примѣнишься къ ихъ клеву и не станешь давать имъ затаскивать крючки. Какъ скоро ракъ повезетъ наплавокъ, то надобно сейчасъ потихоньку вынимать удочку: тогда вытацишь и рака; но какое же тутъ уженье хорошей рыбы, если надобно вынимать безпрестанно удочки? Когда крючки ходятъ на вѣсу и не близко къ берегу, то раки будутъ брать менѣе; всего жаднѣе бросаются они на рыбку, навозныхъ и земляныхъ червей и хлѣбъ. Одно вѣрное спасеніе отъ раковъ: пруды и разливы прудовъ, гдѣ ихъ мало и гдѣ они не трогаютъ никакой насадки: вѣроятно отъ того, что не ползаютъ по тинѣ. Впрочемъ не вездѣ они нападаютъ на удочки. Мнѣ случилось удить во многихъ рѣкахъ, въ которыхъ водились раки, и никогда ни одинъ изъ нихъ не трогалъ моихъ удочекъ. Ихъ ловятъ кругами и рачнями. Первое есть ничто иное, какъ обручъ, подшитый сѣтью; на серединѣ его прикрѣпляется камень для тяжести и кусокъ мяса, рыбы, или хлѣба: первыя — чѣмъ

воиочѣе, тѣмъ лучше. Такой кружокъ привязывается, въ равномъ другъ отъ друга разстоянїи, тремя равной длины веревочками, которыя всѣ три опять привязываются къ довольно толстой веревкѣ (кружокъ имѣетъ видъ привѣшенной къ потолку люстры); длина этой веревки зависитъ отъ глубины воды; она въ свою очередь опять прикрѣпляется къ длинной палкѣ. Нѣсколько такихъ раколовныхъ снастей закидываются по мѣстамъ глубокимъ и крутоберегимъ, поближе къ берегу, гдѣ всегда бываетъ множество рачьихъ норъ; черезъ полчаса на каждомъ кружкѣ будутъ сидѣть и кушать по нѣскольку раковъ; остается легонько вынимать кружки и собирать добычу. Устройство рачни точно такое же, какъ и кружка, съ тою разницею, что вмѣсто обруча и сѣтки употребляются старыя лапти (осметки): это простѣе и удобнѣе.

КРЮЧКИ и ЖЕРЛИЦЫ.

Ставленье крючковъ и жерлицъ, о которомъ я упоминалъ не одинъ разъ, дѣлается слѣдующимъ образомъ. Большаго сорта крючки на толстыхъ лесахъ, или крѣпкихъ снуркахъ, съ грузиломъ, если вода быстра, насаживаются рыбкою, опускаются на дно рѣки, пруда, или

озера, и привязываются къ воткнутому въ берегъ колу, или къ кусту. Рыба на крючки попадаетъ ночью; ихъ начинаютъ ставить осенью, когда сдѣлается холодно и пойдутъ морозы; эту ловлю продолжаютъ во всю зиму на такихъ рѣкахъ, которыя не мерзнутъ, или покрываются тонкимъ льдомъ. Попадаются налимы, щуки, головли и судаки. Для предосторожности не худо употреблять крючки съ поводками изъ проволоки, или струны, безъ чего щука непременно перегрызетъ и самый толстый снурокъ. Жерлицы ставятся для однѣхъ только щукъ. Это тотъ же крючокъ, только рыбку надобно насаживать живую (наилучшій способъ насадки: животку пришивать къ крючку) и пускать ее не глубже, какъ на одинъ аршинъ, для чего длинная бичевка, или снурокъ, всегда съ металлическимъ поводкомъ, наматывается на рогульку и ущемляется въ нарочно сдѣланный расколъ одного изъ ея рожковъ; сама же рогулька коротко и крѣпко привязывается къ длинному рычагу, который другимъ заостреннымъ концомъ своимъ втыкается въ наклоненномъ положеніи въ берегъ, или неглубокое дно. Щука, проглотивъ насадку, разматываетъ снурокъ съ ро-

гульки во всю его длину, и, если хорошо забрала, будетъ ходить цѣлый день. Жерлицы ставятся, преимущественно въ прудахъ и озерахъ, въ мелкихъ мѣстахъ около травъ и камышей. Для ставленья и выниманья жерлицы нужна лодка, потому что всего лучше поставить жерлицы въ разливахъ прудовъ. Щуки попадають и днемъ, но чаще ночью. Для большихъ щукъ обыкновенные крупные крючки не годятся, потому что слишкомъ тонки и малы. Огромная щука такъ сильна и станетъ такъ кидаться и метаться, что крючокъ, хотя бы задѣлъ за ея желудокъ, называемый рыбаками *кутырь*, непременно прорветъ его и выскочитъ вонъ. Для этой ловли приготовляются особенные толстые крючки и они-то называются жерлицами. Мнѣ не одинъ разъ случалось вынимать щукъ съ вывороченнымъ какъ чулокъ кутыремъ, а онъ были еще живы и бойко ходили.

БЛЕСНА.

Ближе всѣхъ подходитъ къ обыкновенному ужению *блесна*. Если хотите, то это настоящее ужение, съ тою разницею, что рука охотника, въ которой онъ держитъ лесу блесны, слу-

жить вмѣсто удилица. Это происходитъ слѣдующимъ образомъ: на обыкновенную лесу прикрѣпляется металлическая блестящая рыбка, у которой съ боку припаенъ крючокъ (иногда по крючку съ обѣихъ сторонъ); рыбакъ садится въ лодку и, пуская ее вдоль по теченію рѣки, опускаетъ одну, или двѣ блесны, на которыхъ искусственныя рыбки кажутся плавающими; жадные окуни, а иногда и щуки, хватаютъ съ размаху плывущихъ за лодкою рыбокъ и попадаютъ на крючки. Эта ловля производится осенью, когда вода дѣлается чиста. Я никогда не уживалъ на блесну, но видалъ, какъ удятъ другіе. Я встрѣчалъ страстныхъ охотниковъ до этой ловли, но мнѣ она никогда не нравилась; можетъ быть потому, что я не охотникъ до ужения съ лодки плывущей по глубокимъ мѣстамъ....

Впрочемъ можно ловить блесной или блеснить, какъ говорятъ охотники, зимой въ прорубяхъ, а осенью съ берега на мѣстахъ глубокихъ, при чемъ необходимо надобно часто потряхивать и подергивать за лесу, чтобъ искусственная рыбка сколько можно казалась похожею на настоящую.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>стран.</i>
Вступленіе	отъ III до XVI.
Происхожденіе удочки	1
Удилище	2
Леса	6
Наплавокъ	11
Грузило	14
Крючокъ	15
Поводокъ	18
Устройство удочки	20
Насадка	24
О выборъ мѣстъ для уженья	35
Прикорика	41
Умѣнье удить	46
Лошокъ	67
Верховка	59
Голецъ	71
Пескаръ	73
Уклейка	76
Елецъ	69
Ершъ	80
Плотица	84
Красноперка	88
Язь	90
Головль	95

Лещь	102
Сазанъ	106
Карпья	108
Линь	111
Карась	115
Окунь	119
Щука	130
Жерихъ, шересперь	139
Судакъ	141
Лохъ, Красуля	143
Форель, Пестрякъ	145
Кутема	149
Налимъ	152
Сомъ	156
Раки	158
Крючки и жерлицы	160
Блесна	162

---

11. 40

4

Цѣна 70 коп. серебромъ.

28

2010515116